

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ПОТЕРЯННЫЙ РЕБЕНОК

ЭМИЛИ ГУНИС

Психологический триллер (АСТ)

Эмили Гунис

Потерянный ребенок

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Гунис Э.

Потерянный ребенок / Э. Гунис — «Издательство АСТ»,
2019 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-145661-0

Джесси Робертс, страдающая от послеродовой депрессии, уверена, что врачи под видом лечения пытаются отравить ее новорожденную дочурку. В ужасе молодая мать бежит из больницы вместе с ребенком. Ее сестра, журналистка Айрис Уотерхаус, бросается на поиски и постепенно понимает: случившееся с Джесси связано с жестоким убийством, случившимся в коттедже «Сивью» много лет назад, после чего уцелел лишь один человек – Ребекка Уотерхаус, их с Джесси мать. Но что произошло в коттедже «Сивью» в действительности? И какие тени трагедия прошлого отбрасывает на женщин семьи Уотерхаус? Айрис должна докопаться до правды, пока не стало слишком поздно...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-145661-0

© Гунис Э., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	13
Глава вторая	20
Глава третья	24
Глава четвертая	29
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	42
Глава восьмая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Эмили Гунис

Потерянный ребенок

© Emily Gunnis Ltd, 2019

© Перевод. Э. Бекетов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

*Моему мужу Стивену – моей любви, моей жизни, моему учителю.
Я не знала, что потерялась, пока не нашла тебя.*

*Любовь не ведает своей глубины до тех пор, пока не наступит час
разлуки.*

Халиль Джебран

Пролог

Суббота, 19 ноября 1960 года

– Пожалуйста, отпустите меня, сэр. Мне нехорошо.

Ребекка взглянула на сидящего напротив полицейского в очках с тонкой оправой, который уже два часа держал ее в комнате для допросов.

Детектив-инспектор Гиббс глубоко затянулся сигаретой с дешевым крепким табаком и выпустил густое серое облако дыма в и без того спертый воздух комнаты.

Ребекка посмотрела на свои руки. На тыльной стороне правого запястья она заметила крошечные брызги крови, принадлежавшей ее матери, и начала соскребать их ногтями. На ней по-прежнему была белая ночная рубашка, в которой она спала в ту ночь. Весь подол был покрыт кровавыми пятнами. Ей захотелось сорвать с себя одежду, нырнуть в ванну с головой и больше никогда не всплывать на поверхность.

– Мы почти закончили. Мне просто нужно прояснить еще пару деталей, прежде чем мы напечатаем ваше заявление.

Детектив-инспектор наклонился вперед, не сводя с нее своих черных глаз, и, потушив окурок в пепельнице, раздавил его пожелтевшим от никотина указательным пальцем.

– Пойду принесу вам воды.

Он встал из-за стола, и ножки его стула пронзительно заскрежетали по плитке пола, заставив Ребекку вздрогнуть. Она поспешила получше укутаться в колючее шерстяное одеяло. Ее трясло, ей было холодно. Очень холодно.

Дверь за детективом-инспектором захлопнулась. В глазах Ребекки защипало, и она взглянула на часы: было уже четыре утра. Она впервые не спала в такой поздний час. Конечно, иногда они вместе с Харви прятались ночью в бомбоубежище, боясь попасться на глаза ее разгневанному отцу, но обычно к полуночи его желание забыться с бутылкой виски уже брало верх над гневом.

Когда в их доме поднимался крик, Ребекка давала Харви сигнал, светя из окна спальни фонариком, и он бежал через кукурузное поле, а затем открывал крышку люка в бомбоубежище под их домом. К тому моменту она уже ждала его внизу. В эту маленькую подземную пещеру вел тайный ход, спрятанный в глубине шкафа под лестницей. Это убежище, созданное на случай, если немецкие солдаты вернутся, чтобы вырезать его семью, обустроил ее отец – а затем и наполнил запасами консервов, книг и свечей. Бесконечная паранойя, которая превратила жизнь Ребекки и жизнь ее матери в ад, совершенно случайно предоставила ей путь к спасению.

Ребекка сидела и наблюдала, как, тикая, двигалась секундная стрелка, и ход времени все дальше и дальше уносил то мгновение, когда она в прошлый раз видела мать. Нет, в *последний* раз. Она ясно помнила ту картину: мать, жадно ловящую ртом воздух; ее красивые губы, которые так часто целовали Ребекку; бледнеющую на глазах кожу, последний вздох ее матери – и ускользающую жизнь.

Тишина комнаты, наполненной табачным дымом, гулом отдавалась в ушах. Тело Ребекки было сковано усталостью, и все же мозг раз за разом проигрывал в воображении ту сцену, которая предстала перед ней, когда она прибежала из спальни на пронзительные крики: на бледном ковре, из которого она так много раз выбивала пыль на залитом солнцем крыльце, лежала ее мать.

Ковер был окрашен кровью, вытекшей из ее ушей и носа. Ее глаза настолько заплыли от ударов, которые ей нанес отец Ребекки своим черным тяжелым ботинком, что она не могла разглядеть в дверном проеме собственную дочь.

– Итак, мисс Уотерхаус, – детектив-инспектор Гиббс захлопнул за собой дверь, заставив Ребекку вздрогнуть, – давайте повторим историю.

Казалось, что все это случилось с ней в прошлой жизни, а ведь всего несколько часов назад она лежала в кровати, и за окном бушевала гроза, пришедшая со стороны бухты Уиттеринг. Несмотря на одеяло, которое она взяла из дома, руки у нее дрожали от холода.

Она представила, как отец разжигает в камине огонь, бормоча что-то под нос и кашляя от поднявшейся пыли. Мама бы сидела рядом, и ее серые волосы были бы собраны в пучок. Вытянув ноющие от усталости ноги на табуретку, она бы наблюдала за действиями мужа, покорно ожидая, когда вместе с огнем неотвратимо вспыхнет и его гнев. Закончив с камином, отец бы взял из ящика стола ключ, подошел к закрытому шкафу и достал свой пистолет Люгера. Каждый понедельник он разбирал его и тщательно смазывал льняным маслом, говоря при этом жене:

– Не все мы можем позволить себе такую наивность, Гарриет. Мужчина должен быть готов защитить свою семью.

Ребекка чувствовала напряжение сквозь половицы. Стояла гробовая тишина; так случилось всегда, когда отец был не в духе. День не задался с того самого момента, когда ее родителей вызвали к директору. С тех пор отец с ней ни разу не заговорил – только сказал, что завтра рано утром они уедут из Сивью и что Харви Робертса она больше никогда не увидит.

Тревожные мысли о друге вернули ее в настоящее.

– Пожалуйста, дайте мне увидеть Харви, – взмолилась она.

– Всему свое время. Мистер Робертс-младший доставил нам немало хлопот, и мы были вынуждены поместить его в камеру.

Ребекке снова стало дурно. Присутствие инспектора Гиббса подавляло ее. Он напоминал ей крыс, которые сновали между загонами с ягнятами на ферме. Зубы у него были желтые и острые, и даже кончики его густых черных усов при разговоре подергивались, как у крысы.

Девочка сглотнула подступивший к горлу ком, стараясь сдержать слезы. Вскоре после того, как ее увели в комнату для допросов, она слышала, как в коридоре Харви плакал и звал ее. Полицейские стали кричать ему, чтобы он успокоился, и пригрозили посадить его на ночь в камеру. Харви бросился было колотить кулаками по двери, за которой держали Ребекку, но его крики становились все тише, пока его волокли прочь.

– А где отец Харви? Мне всего тринадцать. Разве со мной не должен быть взрослый? – голос Ребекки дрожал, и Гиббс бросил на нее суровый взгляд.

– Тед Робертс находится в состоянии алкогольного опьянения. Он сейчас даже своего имени не знает, поэтому, боюсь, он едва ли сможет чем-то вам помочь. Мы позвоним в социальную службу, как только откроется их офис, и вас возьмет под опеку государство.

– Что это значит? – спросила она, чувствуя, как ее охватывает паника.

Гиббс недружелюбно взглянул на нее.

– Это значит, что вас поместят в ближайший приют, а местные власти прикрепят к вам соцработника, который теперь будет за вас в ответе.

– Но я хочу жить с Тедом и Харви, – Ребекка уже не могла сдержать слез. – Пожалуйста, пустите меня в туалет, я правда нехорошо себя чувствую.

– Ну, чем скорее вы проясните некоторые детали произошедшего, тем скорее мы закончим.

– Но я вам уже рассказала все, что знаю. Пожалуйста, не надо еще раз.

Она не хотела вспоминать крик ее отца, прорывающийся сквозь раскаты грома и завывание ветра за окном. Рев, слышный даже на втором этаже, и тихий, нежный голос ее мамы, пытающейся его успокоить. Ребекка представила, как она тряслась от страха, явно предчувствуя, что именно должно было вот-вот произойти. Потом Ребекка услышала грохот в гостиной, ее сердце забилося еще чаще, в окно забарабанил ливень, и она накрылась одеялом с головой.

– В этот раз я все запишу, а секретарша напечатает, когда выйдет на смену. – Он вздохнул, выпуская облако дыма. – Скажите мне еще раз, что именно ваша мать сделала, чтобы так разозлить вашего отца сегодня вечером?

Ребекка со злостью смахнула слезу. Ее голова раскалывалась: она никак не могла объяснить этому мужчине, что значило жить с таким человеком, как ее отец.

– Она ничего не сделала. Он не ждал, когда мы совершим ошибку. Может, я где-то оставила карандаш, может, мама неправильно сложила полотенце. Мой отец страдает от военного невроза. Он какое-то время лечился в психиатрической лечебнице Гринуэйс, но так и не оправился до конца. У него ужасный характер, и даже малейший шум или раздражение могут вызвать у него приступ.

– И все же что-то особенное случилось сегодня и разозлило его, так? Вы упоминали, что прогуливали уроки.

Полицейский пристально смотрел на нее, держа ручку наготове.

Ребекка закрыла глаза и погрузилась в воспоминания о предыдущем дне, когда она была совершенно другим человеком – маленькой девочкой, у которой была семья, которая сидела у кабинета директора, разглядывала оранжевый ковер с кружевными узорами и прислушивалась к голосам, звучащим за дверью.

– Дело в этом мальчишке, Робертсе, он оказывает на нее дурное влияние.

Директор говорил громко, и Ребекка могла представить, как он расхаживает по кабинету перед ее родителями, держа руки за спиной.

– Они живут на соседней ферме. Когда я лечился в Гринуэйсе, Тед Робертс дал моей жене работу. – Голос ее отца был тихим, как и всегда, когда они находились за пределами своего уединенного жилища. – В результате Ребекка и Харви выросли вместе. К сожалению, меня не было рядом, чтобы пресечь эту их привычку проводить чрезмерное количество времени вместе.

– Что ж, мистер Уотерхаус, на вашем месте я бы доверился своим инстинктам. Я-то думал, что Ребекка хочет добиться в жизни чего-то большего, но, боюсь, теперь ее устроит и жизнь жены фермера. Общение с этим мальчишкой оказывает пагубный эффект в том числе и на ее успеваемость.

– Успеваемость? – взволновано повторила мать. – Учеба для нее очень важна, ведь она хочет стать врачом... – Но тут же она замолчала, словно ей стало стыдно за свою несдержанность.

– Теперь поздно волноваться, Гарриет. Я предупреждал тебя об этих людях.

– Что ж, полагаю, амбиции большинства девушек отходят на второй план, когда они влюбляются, – сказал директор так, словно это было само собой разумеющимся.

– Влюбляются? – Отец все же повысил голос, хотя и старался этого не делать. – Ей тринадцать, ради всего святого.

– Могу я спросить, были ли у вас в последнее время проблемы дома? – осторожно поинтересовался директор.

– Никаких, не припомню, чтобы они были. А ты, Гарриет?

Ребекка затаила дыхание. Они обе знали, почему она прогуляла в тот день школу, почему так отчаянно хотела повидаться с Харви. Отец собирался увезти ее как можно дальше от «Сивью» и от Харви – от всего того, без чего она не смогла бы выжить.

Ее успеваемость упала не из-за Харви, а потому, что она устала постоянно жить в страхе, потому, что ее ночные кошмары сменялись только кошмарами наяву, и потому, что каждый день она ходила по тонкому льду. Ей было страшно заходить в комнату, если в ней был отец; до одиннадцати лет она писалась в кровать, боясь встать ночью в туалет, потому что она могла бы столкнуться в коридоре с отцом; она испытывала почти что облегчение, когда видела, как

отец бьет мать, потому что ждать начала очередных побоев и не знать, когда же они начнутся, было куда более невыносимо. Каждый раз мать извинялась перед ним, оправдывала его, прикрывая окровавленный рот и пытаясь отмыть кровь с лица над керамической раковиной в их крохотной кухоньке.

– Почему вам вдруг захотелось сегодня уйти из школы без разрешения? – спросил детектив-инспектор Гиббс, возвращая ее в настоящее.

– Я пошла попрощаться с Харви, – тихо ответила Ребекка. Все ее тело уже трясло, у нее начинался шок.

– Перед вашим переездом? – Гиббс дождался ее кивка, прежде чем записать ее показания на бумаге.

– Он работает разнорабочим в психиатрической лечебнице Гринуэйс. У них ферма, на которой трудятся пациенты. Харви и его отец на неделе ходят в местный паб, и я знала, что не увижу его до отъезда.

Ребекка закрыла глаза и медленно выдохнула, пытаясь побороть приступ тошноты.

– Влюбились, что ли?

– Тед и Харви для меня как члены семьи. Они приютили маму, когда я была совсем маленькой, когда отца поместили в Гринуэйс. Без их помощи мы бы оказались на улице.

Детектив-инспектор Гиббс медленно кивнул.

– И как вы добрались до лечебницы, после того как прогуляли школу?

– Я села на автобус.

Жизнь у Ребекки сводило от боли. Гигиеническая прокладка натерла кожу, и она была уверена, что ее пора сменить, но у нее с собой не было ничего, кроме ночной рубашки и пледа. Она ненавидела свое тело за то, что оно с ней делало – за грязь, за боль, и не только в животе, у нее ныла спина и сводило ноги. Она ненавидела волосы у себя на лобке, растущую грудь, которая все больше выступала и при этом побаливала. Она не хотела, чтобы ее тело менялось, она не видела в этом ничего хорошего. В то время как одноклассницы Ребекки уже хихикали, обсуждая вопросы брака и детей, мысль о замужестве наполняла ее ужасом.

– Никогда не выходи замуж, Ребекка, неблагодарное это дело, – прошептала ей мать однажды вечером, когда они чистили картошку к ужину. – Я отложила немного денег на банковский счет для твоей учебы в медицинском. – Она выглянула в гостиную, где Джейкоб читал газету, и снова посмотрела на Ребекку. – Не нужно никому об этом говорить. Пообещай мне, что ты закончишь учебу, что бы ни случилось.

Она вздрогнула, когда мать достала почтовый буклет из кухонного шкафа и вложила его ей в руки. Вечно царившее в доме напряжение, казалось, усилилось еще больше, и Ребекке отчего-то захотелось плакать.

– Пообещай мне.

– Обещаю.

Все началось в тот день, когда он вернулся домой из Гринуэйса. Маленькая Ребекка с удивлением смотрела на покрытое шрамами лицо отца, который не сводил с нее своих печальных глаз и натянуто улыбался.

– Почему, мамочка? Почему он кричит на тебя и делает тебе больно?

Комок в животе, который появился с приходом этого незнакомца, уже пагубно влиял на ее детское бесстрашие. Теперь везде, куда бы она ни пошла, за ней следовало черное облако. Теперь она больше всего на свете ненавидела оставаться с ним одной, теперь она пряталась за спиной матери всякий раз, когда он в дурном настроении выходил из спальни, глядя перед собой ничего не видящими глазами.

– Теперь дома все будет по-другому, солнце мое, потому что папе немного грустно и страшно после сражений на войне. Но ты должна быть рядом с теми, кого ты любишь, даже если они не так добры и милы с тобой, как тебе бы хотелось. Ему скоро полегчает.

Когда Ребекке было пять, та жизнь, которую она знала, кончилась. Беззаботная и веселая жизнь в их доме за одну ночь обернулась тюремным заключением. Постоянно звучащий смех, запах моря, доносимый легким ветром через открытые окна, музыка по радио... Когда отец вошел в дверь их дома, радость покинула сердце матери.

– И что произошло, когда вы добрались до Гринуэйса? – спросил детектив-инспектор Гиббс, наклоняясь вперед за чашкой с уже холодным кофе.

Ребекка вспомнила вчерашний день. Когда она вышла из автобуса, холод пронизывал до костей, словно предупреждая ее о том, что ей стоит вернуться назад. Чувствуя странную тревогу, она подошла к трехэтажному зданию в готическом стиле на окраине Чичестера. Его высокие кованые ворота служили пугающим напоминанием о том, что, стоило ей только оказаться внутри – и выбраться наружу было уже почти невозможно.

Вскоре после того, как ворота захлопнулись за Ребеккой, ей преградил путь мужчина с гладко выбритым лицом.

– Какая у вас дата рождения? – спросил он, аккуратно переступая с одной ноги на другую и глядя в пол.

– Не бойся. Скажи Джорджу, какая у тебя дата рождения, и он ответит, в какой день недели ты родилась.

Ребекка с облегчением обернулась и увидела улыбающегося Харви, одетого в грязный рабочий комбинезон. Его голубые глаза закрывала челка русых волос.

– Хорошо. Я родилась восьмого января 1947 года.

К ее изумлению, Джордж, не думая ни секунды, выпалил:

– В среду.

Посмотрев на нее, он добавил:

– Вы та девушка с картины.

– Невероятно. Как он это сделал? – спросила Ребекка. – И о какой картине он говорит? – добавила она, хмурясь.

Харви пожал плечами.

– Джордж удивительно умен, но он провел в лечебнице всю свою жизнь. Он бы никогда не выжил за ее стенами.

– Я не так себе это представляла... Я думала, что здесь люди не могут выходить из своей палаты...

Ребекка старалась не смотреть на Джорджа, но любопытство брало верх. Она успела замерзнуть и дрожала от холода.

– Ну, тем, что просто бродят по территории, доктора как бы назначают физическую нагрузку, а те, которые помешаны и представляют угрозу для себя и общества, помещены в отделение Б вон там, – сказал Харви, указывая на дюжину арочных окон над фасадом главного здания.

– И все же что ты здесь делаешь? Разве ты не должна быть в школе? – К счастью, он открыл перед ней дверь, и они очутились в каком-то, казалось, бесконечном коридоре, который напоминал начало кошмарного сна. В воздухе стояло напряжение. Ребекке послышались женские крики – как будто бы кто-то боролся за свою жизнь.

– Я нашла Харви и сказала ему, что мы уезжаем, – тихо ответила Ребекка детективу-инспектору Гиббсу.

– И что же он сказал? – Тот поднял взгляд от своих записей и внимательно посмотрел на нее.

Ребекка задумалась.

– Он сказал, что ночью придет ко мне в «Сивью» и мы сбежим вместе.

Она вспомнила пристальный взгляд Харви и его чистые-чистые голубые глаза.

– Но ферма «Сивью» – твой дом, Харви. Твой папа не сможет без тебя.

– Справится. Он ведь знает, насколько я сильно... насколько я дорожу тобой.

Харви потупил взгляд.

– Куда же мы пойдем? А как же школа? Если я пойду с тобой, я никогда не смогу выучиться и закончу, как моя мама. – Ребекка начинала паниковать. На ее глазах выступили слезы.

– И что вы ответили ему на его предложение? – Гиббс наклонился вперед, пристально посмотрел на нее и со свистом вдохнул спертый воздух.

– Я сказала, что не могу оставить маму, – сказала Ребекка, и одна слеза скатилась по ее щеке. Она боялась слез: если бы она начала плакать, то уже не смогла бы остановиться.

– Поэтому вы вернулись домой? – спросил Гиббс.

Ребекка кивнула.

– Однако вы говорили, что слышали чьи-то шаги в прихожей, прежде чем вы спустились в гостиную и обнаружили мать с отцом. Ранее вы упоминали, что этот кто-то начал ссору, которая привела к смерти ваших родителей. Как вы считаете, это мог быть Харви?

– Нет.

Ребекка до сих пор слышала, как дрожали под нескончаемым напором грозы оконные стекла в ее спальне, готовые вот-вот разбиться, и как раздались два удара дверного молотка, которые, должно быть, просто ей послышались в завывании ветра.

– Почему вы в этом так уверены?

– Потому что, когда я спустилась, дома никого не было. Может, мне показалось. Они кричали все это время, была гроза, в окно били ветер и ливень, было очень шумно.

– Но вы сказали, что слышали, как ваш отец с кем-то говорил, а затем началась ссора. Разве не логично, что это был Харви, – вы же сказали, что он должен был за вами прийти?

Гиббс почти навис над столом, и Ребекка вжалась в стул и снова почувствовала боль в животе.

– Нет. – Она покачала головой. Ей нужно было выйти из этой комнаты. Она не могла дышать. В носу до сих пор стоял запах пороха, а перед глазами – дым из ствола люгера после выстрела.

– Почему?

– Потому что Харви никогда бы не оставил мою мать умирать вот так, на полу. Он любил ее.

– Мог ли он застрелить вашего отца, чтобы спасти вашу мать?

– Нет.

– Откуда вам знать?

– Я уверена! Он никогда бы так не поступил. Пожалуйста, сэр, меня сейчас стошнит.

– Ну, к счастью для него, его отец алкоголик, и есть немало свидетелей, которые видели их обоих сегодня вечером в пабе «Голова короля».

– Почему тогда вы меня об этом спрашиваете? Почему не даете мне уйти? Пожалуйста, мне очень нехорошо.

Ребекка почувствовала, как рвота поднимается по стенкам желудка.

– Потому что я не уверен, что вы во всем со мной честны, юная леди. Мне кажется, что вы что-то от меня утаиваете. И что вы догадываетесь, кто был в прихожей.

У нее хлынули слезы. Она испугалась, что может задохнуться рвотой, которая уже подступила к горлу.

– Прошу, сэр, никого не было, когда я спустилась. В доме никого не было.

– А у вашего отца был пистолет?

Ребекка кивнула, закрыла рот рукой, и ночные крики зазвенели в ушах.

Она накрылась одеялом с головой, но гроза лишь усиливалась, вторя тому, что происходило внизу. Крики, звон разбитого стекла, ярость отца, пульсирующая в венах, словно она была ее собственной. Ребекка лежала в кровати, скованная нерешительностью, пока сквозь половицы не раздался жуткий вопль матери, после которого она не могла оставаться в кровати.

– Мама! – прокричала она, открывая дверь и бросаясь вниз по лестнице, где перед ней открылась ужасающая картина.

Рот наполнился рвотой, она закрыла его руками, но желчь, обжигающая желудок, горло, стала просачиваться сквозь пальцы, Ребекка подавилась и согнулась пополам.

Детектив-инспектор Гиббс вскочил с места, но было уже поздно: его записи, стол, пол – все было покрыто рвотой. Когда кусочки еды – их последнего ужина, за которым никто не сказал ни слова, – покрыли черные лакированные туфли детектива, а в комнате стало совсем нечем дышать, допрос наконец подошел к концу.

Глава первая

Харви

09.00, среда, 19 ноября 2014 года

Харви Робертс подошел к окну своего фермерского домика в Саут-Даунсе и выглянул на заледенелый двор. Он встал всего лишь несколько часов назад, а уже едва мог передвигаться из-за усталости последних двух дней, в течение которых он поддерживал свою дочь во время родов. Когда он наконец вернулся домой, то всю ночь не смыкал глаз, беспокоясь о ней. Он сделал глоток кофе и собрался с силами: впереди ждало еще одно долгое дежурство в больнице Святого Дунстана.

Последние несколько дней выдались невероятно тяжелыми. У его дочери Джесси за три недели до срока начались роды, и, поскольку ее парень Адам был в Нигерии на фотосъемках, вставать по звонку телефона в два часа ночи в субботу пришлось именно Харви. Он быстро оделся и поехал в Чичестер, на улицах которого все еще можно было встретить случайных гуляк, потихоньку разбредавших по домам. Когда Джесси открыла перед ним дверь двухкомнатной квартиры, которую они снимали с Адамом, то Харви заметил, что она уже оделась.

– Кажется, началось, папа, – сказала она. В тот момент она была больше похожа на маленькую девочку, которой приснился дурной сон, чем на тридцатидевятилетнюю журналистку. Ее высветленные короткие волосы, которые она обычно укладывала назад феном, были убраны в хвост, на фарфоровой коже не было привычной косметики, а зеленые глаза обрамляли очки в черепаховой оправе.

Они стояли у больших подъемных окон в гостиной и в изумлении смотрели друг на друга.

– Я даже не успела уйти в декрет, – наконец сказала Джесси. – Детская комната еще не готова, в квартире нет еды. – Ее глаза постепенно наполнялись слезами. – Адама еще неделю не будет дома. Не могу до него дозвониться. Без него я не справлюсь.

– Все хорошо, милая, – утешил он ее. – Я с ним обязательно свяжусь. Оглянуться не успеешь, как он уже будет здесь. Кто знает, а вдруг это вообще ложная тревога.

Сам того не осознавая, он сказал именно то, что она хотела услышать, пусть даже и догадывался, что это неправда.

– Может, стоит отвезти тебя в больницу? Пускай тебя осмотрят. Ты собрала вещи?

– Но все должно было быть совсем не так, пап. Мы еще даже не установили бассейн для родов, – добавила Джесси, взглянув на запечатанную коробку в прихожей. – Я только что позвонила своей акушерке, и она сказала, что срок слишком ранний, придется ложиться в больницу. Мы все распланировали – мы собирались рожать дома, мы хотели обойтись сами.

После этих слов она снова впала в состояние тревоги – хотя, как показалось Харви, оно у нее никогда не заканчивалось. Он приобнял ее и сказал, что все будет хорошо, добавив, что он поможет ей собрать вещи, если она сядет на кровать и покажет, где что лежит.

Однако все, что он предлагал взять, оказывалось лишним или вовсе ненужным: ему попадались платья и кардиганы вместо пижам и спортивных брюк, ее iPad вместо плана родов, на который они с Адамом потратили столько времени и который он теперь никак не мог найти. Джесси было так больно, что она не могла усидеть на месте. Она вставала и ходила кругами по комнате, огрызаясь на каждый совет, пока наконец они не собрали на скорую руку все, что нужно было взять с собой.

– А твоя зубная щетка?

– Точно, – процедила она и оперлась на стену, взыв от боли. Харви бросился за щеткой в ванную. Шкафчик над раковиной был открыт, и его взгляд упал на баночку циталопрама, антидепрессанта, который Джесси принимала с тех пор, как два года назад умерла ее приемная мать.

– Я возьму таблетки, о'кей? – спросил он, выходя из ванной.

Джесси покачала головой.

– Я перестала их принимать – акушерка сказала, что иначе я не смогу кормить грудью.

Сердце у Харви ушло в пятки. У них обоих тогда все в жизни перевернулось с ног на голову, и Джесси удалось справиться с чувством скорби только благодаря консультациям психолога и циталопраму, ставшему для нее спасательным тросом.

– Хорошо, – наконец произнес он, понимая, что спорить уже поздно. – А твоя акушерка рассказывала тебе про искусственное вскармливание?

Он попытался скрыть свое раздражение за улыбкой.

– Нет, папа, – резко ответила Джесси. – Я хочу кормить грудью. Так будет лучше для малышки. Я все равно планировала заканчивать с антидепрессантами. Адам говорит, они мне больше не нужны.

Харви застыл перед дочерью, не в силах произнести ни слова. У него появилось ощущение, что Адам и понятия не имел о том, насколько тяжело пришлось Джесси после смерти Лиз, женщины, которая заменяла ей мать с самых первых дней жизни. То, что Адаму пришлось в голову советовать Джесси прекратить принимать лекарства, когда ребенок вот-вот родится, а сам Адам в командировке, только усиливало это ощущение.

Но в ту секунду, когда он хотел что-то добавить, попросить ее еще раз все обдумать, он вдруг словно почувствовал на своем плече руку Лиз – и это заставило его остановиться. Он промолчал. С тех пор как его рассудительной жены не стало, он то и дело впадал в оцепенение, не зная, что делать.

С момента, когда Джесси открыла ему дверь, на Харви как будто снова нахлынули мысли о покойной жене. У него было такое чувство, словно он заново переживал новость о ее смерти, и он знал, что Джесси ощущает то же самое. В воздухе между ними повисло раздражение – почти злобное осознание того, что отныне им придется справляться со всем самим, и того, что Харви, как всегда, совершенно не был к этому готов.

Когда они молча вышли из квартиры, Харви пришла в голову мысль о том, что Джесси обязательно сказала бы своей приемной матери о том, что хочет перестать принимать циталопрам. За чашечкой чая или во время воскресной прогулки, но она бы непременно посоветовалась с Лиз – а та нашла бы способ отговорить ее. Из-за сертралина Джесси забыла про панические атаки, которые мучили ее так недавно, про обсессивно-компульсивное расстройство и про все те проблемы, которых было так много в ее жизни до знакомства с Адамом год назад. Но решение, способное привести к катастрофе, было уже принято. Харви ничего не мог с этим сделать.

– А-аа! – вскрикнула Джесси, когда они проходили мимо лифта с табличкой «не работает». Каждый приступ боли заставлял ее останавливаться и цепляться за деревянные перила, а до машины им предстояло пройти три пролета.

Беспомощно наблюдая за мучениями дочери, Харви вспомнил тот вечер, когда он попытался поднять вопрос об их с Адамом переезде. Они пригласили его на ужин в безупречно чистую квартиру Адама – Джесси переехала к нему, когда забеременела спустя всего полгода после их знакомства. После того как они объявили, что у них будет девочка, после всех поздравлений, объятий и слез счастья, Харви поинтересовался, не хотят ли они посмотреть дом: он мог бы перезаложить свой и помочь им с первым взносом, и тогда Джесси не пришлось бы мучиться на лестнице с коляской или страдать по ночам от шума в центре Чичестера.

Джесси и Адам, сидевшие на диване кремового цвета с аккуратно разложенными подушками в тон, посмотрели друг на друга, и не прошло и секунды, как Адам отклонил его предложение. Они обожали свою квартиру, сказал он (а Джесси молча прижалась к нему). Они не хотели стать одной из тех пар, которые, переехав из полюбившегося им района, потом об этом жалели. К тому же, добавил Адам, малышка впишется в их образ жизни. Джесси планировала

выйти на работу почти сразу после родов; не было необходимости что-либо менять. Джесси посмотрела на Адама, а потом улыбнулась отцу – так, как улыбалась ему в детстве, когда он спрашивал ее про школу, а она пыталась скрыть, что ее снова обидел какой-то хулиган.

Харви осмотрел их изысканную белую квартиру. Все стены и поверхности блестели чистотой, все было на своих местах. Повсюду были развешаны увеличенные и вставленные в рамки снимки, которые Адам, туристический фотограф, сделал во время работы. Квартира, как и их жизни, была приведена в полный порядок. В ней Харви не мог представить себе ни кормление ребенка, ни бессонные ночи. Работа Адама подразумевала частые командировки, и когда он возвращался, они с Джесси наслаждались жизнью – обедали в ресторанах, ходили по магазинам, сидели на пляже. Затем, когда они начинали надоедать друг другу и все становилось слишком обычным, Адам снова уезжал в далекие страны. Джесси же с головой погружалась в работу, и, если у нее была встреча или обед с клиентом, ее рабочий день мог длиться и по двенадцать часов. Харви казалось, что она никогда не давала себе передохнуть, каждый день мотаясь на поезде в Лондон и обратно. Ни с ее стороны, ни со стороны Адама почти не было попыток остановиться или хотя бы немного замедлиться, чтобы осознать, как обе их жизни вскоре изменятся в корне.

Он желал им обоим счастья, но с тех пор, как Джесси и Адам рассказали ему про малышку, Харви впал в уныние. К чувству глубокой печали, вызванной тем, что Лиз не дожила до этого дня, примешивалось дурное предчувствие, усиливавшееся по мере того, как рос живот Джесси.

Что-то было не так. Харви подозревал, что дело в том, что девочка приходилась внучкой и Ребекке, и все же никто не осмеливался поднимать эту скользкую тему.

Адам никогда даже не встречался с биологической матерью Джесси, и, хотя Харви несколько раз предлагал ей познакомить Адама с Ребеккой, Джесси всегда была против. Пять дней назад Ребекка даже не знала про ребенка – однако в прошлую пятницу, к изумлению Харви, Джесси объявила, что виделась с ней. Встреча, очевидно, прошла ужасно, заставив Харви еще сильнее переживать по поводу растущей тревожности дочери.

– Я не хочу, чтобы она была в нашей жизни, папа, это слишком тяжело. Не хочу, чтобы она была рядом, когда родится малышка.

Глаза Джесси наполнились слезами, и что-то внутри у него сжалось от беспокойства.

Харви допил кофе и снова надел рабочие сапоги. После душа он сделал над собой усилие и вывел собак на прогулку под бодрящий и морозный утренний прибой в бухте Уиттеринг. Это был пляж его детства, но теперь он мог ходить сюда только зимой – летом здесь были чудовищные пробки. Он и так едва мог совладать с собой, когда в ноябре на узкой дороге вставали два встречных автобуса. Сейчас, после нескольких ночей без сна, Харви едва сдержал злобу, когда по пути в бухту ему пришлось пропустить на дороге автобус.

Когда он подошел к началу тропинки, ведущей к двери «Сивью», их старого домика у моря, на глаза ему попала освещенная утренними лучами солнца табличка. «Продается», – гласила она. Насколько было известно Харви, дом по-прежнему принадлежал семье, которой он продал его вместе с фермой почти сорок лет назад.

Со временем люди забыли, что здесь произошло в роковую ночь, однако понадобилось много времени, чтобы они перестали говорить об этом. «Какой ужас, – не без удовольствия повторяли они несколько недель и даже месяцев спустя. – Вы слышали, коронер¹ сказал, что его психика была нарушена после войны. А их дочка, Ребекка, была в то время дома. Нашла их обоих. Кошмар».

---

¹ Коронер – в некоторых странах сотрудник полиции, специально расследующий необычные или внезапные смерти и выявляющий их причину.

И все же та травма, которая осталась у них с Ребеккой после той ночи, давала о себе знать до сих пор, и наиболее заметно она проявлялась в отношениях между Ребеккой и Джесси, испорченных навсегда.

Насыпав еду собакам, он выпрямился и увидел в зеркале у задней двери свой жалкий вид: из-за седых взъерошенных волос, огромных мешков под глазами и бледной кожи он выглядел на все свои шестьдесят восемь лет. Но когда он вышел во двор, из-за туч показалось солнце, и его лучи были такими теплыми, что на мгновение в уголках его губ мелькнула расслабленная улыбка.

Теперь у него была внучка. Она была похожа на своего отца в ползунках, с его вытянутым лбом и темными глазами, но она была красива. Кроме того, он был с дочерью все это время, два дня и две ночи.

Джесси слишком долго отказывалась от анестезии. Харви гладил ее по спине и держал за руку во время каждой мучительной волны схваток, а она все повторяла, что дала обещание Адаму пройти через все без наркоза, и хотела, чтобы он гордился ей. Харви старался, как мог, переубедить ее, но она и слышать ничего не хотела. Когда же боль стала настолько невыносимой, что она больше не могла терпеть, врачи сказали, что для анестезии уже слишком поздно. К тому моменту, когда ей нужно было тужиться, она не спала и не ела уже более двух суток и просто не была способна на последнее усилие. Девочка никак не хотела появляться на свет, и, будучи не в силах чем-либо помочь, Харви с ужасом смотрел, как врачи с почти грубой, как ему казалось, силой высасывали и вытягивали из нее тельце слабой малютки.

Джесси назвала ее Элизабет Роуз. Он ожидал – надеялся, что средним именем девочки станет Элизабет, однако это был невероятно трудный шаг, учитывая, как долго Джесси даже не произносила имени своей приемной матери. Вместе с тем это было суровое напоминание о том, что таилось на глубине.

Харви снял замок с двери своей мастерской и выбил примерзшую задвижку. В попытке занять себя делом до того момента, когда больница откроется для посетителей, он решил собрать с покрытых паутиной полок инструменты для ремонта ворот, с которыми Джесси вечно мучилась. Сквозь маленькие окна пробился лучик света и упал на перчатки для садоводства, которые принадлежали Лиз. Харви медленно взял их, сжал своими длинными пальцами ткань и поднес их к лицу, вспоминая, как касались его подбородка руки жены. Он закрыл глаза.

Соберись, дед. Голос звучал так же явно, как лай собак снаружи. *Ты так хорошо держался, но сдаваться нельзя. Ты нужен Джесси. Ты нужен своей внучке.*

Он правда был им нужен. Вскоре после рождения Элизабет они сидели в палате, и акушерка буквально затягивала Джесси в пучины стресса, все твердя о том, что девочка не хочет брать грудь. Было четыре часа дня, уже темнело, Джесси не спала вот уже почти трое суток, а одна из акушерок посчитала нужным сказать ей, что у нее «странные соски».

– Попробуйте покормить ее, Джессика, – рядом появилась еще одна акушерка с короткими черными волосами, держащая малышку на руках. У нее изо рта пахло луком. Джесси все еще зашивали после операции.

Его дочь повернулась к нему с широко раскрытыми глазами.

– Когда уже Адам придет, папа? Уже темнеет, а тебе нельзя остаться со мной на ночь, только отцу ребенка можно. Мне нужно, чтобы он присмотрел за ней. Я боюсь, что ночью ее кто-нибудь заберет.

У Джесси был тот же одержимый взгляд, что и у Ребекки когда-то, та же уверенность в том, что кто-то хочет навредить ее дочери.

– Он вылетает завтра утром. К вечеру он уже будет здесь, милая, – сказал он нежно, опустив тот факт, что он только что в четвертый раз звонил издателю Адама и требовал сказать ему, куда, черт подери, тот подевался. – Не переживай из-за сегодняшней ночи, родная, – добавил он. – Надеюсь, тебя скоро отпустят домой. Я пробуду с тобой столько, сколько потребуется.

– Почему я ей не нравлюсь? Почему она не хочет есть? – спрашивала Джессика, сильно побледнев.

– Джессика, я знаю, что это нелегко, но очень важно, чтобы вы продолжали пытаться. Нужно покормить ее в первый час, иначе это может сказаться на ее здоровье. Попробуйте немножко приподнять ее, вот так, придерживайте головку, чтобы вам обоим было удобно. Так лучше? – Тут девочка завопила что есть мочи, и по щекам Джесси потекли слезы.

– Мы могли бы дать ей бутылочку, разве так не будет проще? – предположил Харви, пытаюсь скрыть свою злобу, но акушерка бросила на него холодный взгляд.

– Девочке нужно материнское молоко, – буркнула она, когда Харви попросил ее выйти с ним в коридор. – Возможно, есть причина, по которой она отказывается от кормления.

– Неужели вас не заботит то, что нужно Джесси? Вы в курсе, что она страдает от депрессии, что она перестала принимать циталопрам из-за этой одержимости грудным вскармливанием?

– Я ценю вашу обеспокоенность, мистер Робертс. Мы в курсе ситуации с медикаментозным лечением Джесси и следим за этим, но сейчас ее ребенку нужно получить свою дозу молока. У Джесси еще будет достаточно времени отдохнуть.

– Папа, она умрет, – прошептала Джесси, когда Харви вернулся в палату. Он выходил подышать свежим воздухом, пытаюсь успокоить нервы. Джесси была взволнована до крайности, и было видно, что она не притрагивалась к еде. Она вела себя в точности как Ребекка когда-то, – тот же ужас в глазах, та же паника, не дающая уснуть. Он словно переживал ночной кошмар снова и снова.

– Она не умрет, дорогая, – сказал он и взял Элизабет из ее рук. Стоило прекратить с силой прижимать девочку к груди, безуспешно пытаюсь накормить, – и она тут же перестала плакать. Над ними обеими висел плакат: **ГРУДНОЕ ВСКАРМЛИВАНИЕ – ЗАЛОГ БУДУЩЕГО ЗДОРОВЬЯ**. Довольная молодая мама на плакате целовала своего малыша в носик, в то время как тот с радостью лнул к ее груди. *Грудное вскармливание снижает риск возникновения ушных инфекций. Грудное вскармливание снижает риск развития диареи. Грудное вскармливание снижает риск развития пневмонии.*

Харви подошел к окну, держа на руках свою внучку, и взглянул на Чичестер. В этот момент к соседней койке подошла группа шумных родственников, вооруженных воздушными шарами.

– Здесь так шумно, я хочу домой. – Джесси начала плакать, и Харви попытался взять ее за руку, в то же время неловко приобняв малышку.

– Почему бы тебе сейчас не отдохнуть? – сказал он настолько решительно, насколько мог. – Просто ложись, закрой глаза и постарайся расслабиться. А я пока пойду узнаю, когда они тебя выпишут.

– Пообещай мне, что не спустишь с нее глаз, вдруг она перестанет дышать, папа, пообещай мне. – Джесси так сильно впилась ногтями ему в руку, что у нее побелели костяшки пальцев.

– Обещаю, родная.

Но пока Джесси пыталась уснуть, молодая лаборантка подошла к нему и сказала, что, учитывая возникшие проблемы с грудным вскармливанием, они взяли из пятки Элизабет кровь на анализ, и он показал, что у малышки повышенное количество белых кровяных телец.

– Что это вообще значит? – прервал он.

– Это может быть признаком того, что у ребенка инфекция. Мы назначим ей антибиотик широкого спектра, пока не вырастим кровяную культуру, на это потребуются сутки. Когда мы получим результаты по культуре, станет понятно, нужно ли какое-то дополнительное лечение и можно ли продолжать курс антибиотика.

– С ней все будет в порядке? – Харви привстал, все еще держа Элизабет на руках.

Лаборантка кивнула.

– Скорее всего, это стрептококк группы Б, довольно распространенная инфекция. Ей потребуется пройти недельный курс антибиотиков.

– Им обязательно оставаться здесь? Я имею в виду, нельзя ли давать девочке антибиотик дома? Моей дочери как никогда нужны отдых, тишина и покой.

Она покачала головой.

– Мы заберем ребенка и поставим ей катетер, чтобы можно было вводить препарат внутривенно. Ей нужно закончить курс лечения, иначе, я боюсь, ее состояние может быстро ухудшиться.

Харви попытался остановить их, говоря, что пообещал Джесси не сводить с девочки глаз, но они настояли на своем. Джесси наконец впала в довольно беспокойный сон, и он с тяжелым сердцем положил Элизабет в кроватку и дал им ее увезти. Харви надеялся, что Джесси продолжит спать, быть может, даже до того момента, когда они привезут Элизабет обратно, – но увы, в палате было так шумно, что не прошло и нескольких минут, как она проснулась. Джесси посмотрела на него, увидела, что он не держит Элизабет на руках, и повернула голову в ту сторону, где должна была стоять детская кроватка.

– Она умерла, да? – задыхаясь, выпалила она. Приподнявшись, она с трудом попыталась встать с кровати, но тело ее совершенно не слушалось.

– Дорогая, она в порядке, ей просто нужно дать антибиотики. Пожалуйста, Джесси, не расстраивайся ты так.

– Антибиотики? Зачем? Где она?

За считанные секунды Джесси впала в истерику, и никто не мог ее успокоить, пока Харви не позвал медсестру, а та не отвезла ее в кресле-каталке к Элизабет. Затем пришло время стоять и наблюдать за тем, как два педиатра битых полчаса пытались найти на крошечной ручке Элизабет вену, в то время как та отчаянно заходилась криком.

После этого Джесси, как показалось Харви, полностью закрылась в себе. Она отказывалась от еды, не могла уснуть и ни при каких условиях не подпускала никого к своей девочке.

– Они пытаются отравить ее, папа. Это не лекарство, они делают ей больно.

– Родная, они бы никогда так не поступили.

– Я хочу забрать ее домой, я не хочу оставаться здесь. Не хочу, чтобы они заливали ей в ее крошечные ручки эту дрянь. Мы не знаем, что это. Прошу тебя, папа, я хочу уйти отсюда.

– Я не могу позволить тебе сделать это, родная, тебя еще не выписали. Я пробуду с тобой столько, сколько мне позволят, а через день-другой сюда приедет Адам. Ты оглянуться не успеешь, как уже будешь дома.

– Умоляю, папа, они убивают ее. Ты должен забрать меня домой, пока они не пришли и не отобрали ее у меня снова. Она нездорова – разве ты не видишь, что они с ней делают? Это же моя девочка. Почему ты не можешь забрать нас домой, если я этого так хочу? Я ненавижу это место.

– Дорогая, у нас будут большие неприятности, если мы уйдем сейчас. Нам нужно дать им закончить ее курс препаратов, и затем вы с Элизабет сможете выписаться. Это займет всего пару дней.

Раз за разом повторяя одно и то же, они проговорили так до наступления ночи, и вот первый день жизни маленькой Элизабет подошел к концу. Харви пробыл с ними, пытаясь успокоить Джесси, до восьми вечера, когда ему сказали, что часы посещения закончились. Он ушел только после того, как взял с растерянных и изможденных акушеров слово хорошенько приглядывать за Джесси. Они сказали ему, что скоро освободится отдельная палата, и она сможет переселиться туда и немного отдохнуть. Тем не менее, выходя из больницы, Харви никак не мог отделаться от чувства неминуемо надвигающейся опасности.

Теперь, выходя из своей мастерской и направляясь к дому, Харви заметил, что рядом с его участком остановилась полицейская машина.

Он замер, словно прирос к земле, жалея, что он не может останавливать время. Сотня вариантов того, что могло произойти с Джесси, промелькнула у него в голове, но в том, что полицейские приехали расспрашивать его именно о ней, он даже не сомневался. Из машины вышли мужчина и женщина и, протиснувшись через щель в сломанных воротах, направились напрямик к нему.

– Харви Робертс? – обратился к нему высокий мужчина с вытянутым лицом.

Харви кивнул.

– Я агент сыскной полиции Патерсон, а это агент Галт, мы из Брайтонского уголовного розыска.

– В чем дело? – Харви почувствовал, как у него пересохло во рту. Слова застревали в горле; он не хотел их произносить.

– Мы хотели поговорить с вами о вашей дочери, Джессике Робертс.

– О чем именно? Что случилось?

– Я так понимаю, ее здесь нет.

– Конечно же ее здесь нет, черт возьми, она же в больнице.

– Боюсь, Джессика покинула больницу с ребенком сегодня утром в начале девятого. Судя по вашей реакции, с вами она не связывалась?

Харви замер, в изумлении глядя на полицейского, не в силах ничего ответить.

– Мы не могли бы зайти в дом и поговорить?

Глава вторая

Гарриет

День Победы, вторник, 8 мая 1945 года

Гарриет Уотерхаус села за свой сосновый туалетный столик рядом с маленьким окном, из которого пробивался сквозняк, на верхнем этаже дома ее работодательницы, и достала из пакета с сегодняшними покупками дневник. Он все еще был в коричневой обертке, и, когда Гарриет ее сорвала, бумага затрещала, как только что разведенный в камине огонь. Из свертка раздался запах почтафта, который отчетливо слышался в ее затхлой комнате.

На красивом кожаном переплете были выведены золотыми буквами слова «Дневник на пять лет», а сбоку находился плотно прилегающий медный замок. Гарриет почувствовала, что у нее захватывает дыхание.

Прежде ей никогда не хотелось покупать подобные вещи, и она не понимала, что заставило ее потратить всю месячную зарплату на что-то такое. В почтовое отделение она зашла лишь для того, чтобы уйти с людной улицы. Мужчины, женщины, дети – все были в крайней степени взволнованы новостью о том, что война наконец закончилась. Они как никогда хотели собираться вместе, объединенные общей радостью, и пели и кричали из каждого дверного проема и окна, с каждой крыши и фонарного столба. В очереди за продуктами в магазинчике Уилсона она простояла целый час, окруженная людьми, которых знала всю свою жизнь и которые то и дело посматривали на нее, ожидая от нее той же восторженной реакции.

– Даже не верится, – ответила она на расспросы знакомых о том, что она чувствует по поводу возвращения Джейкоба домой, и постаралась улыбнуться в ответ на их нахмуренные лица, ждущие большего. К счастью для нее, в тот момент кто-то подошел и увел их за собой в толпу празднующих.

Этот день начинался так же, как любой другой вторник. Она отнесла мисс Кларе и мисс Этель по чашечке чая в семь утра, разожгла камин в гостиной. После завтрака она заправила постели, прибралась в спальнях, вытерла пыль и почистила серебро к обеду. Было около трех часов дня, и она начала было собирать вещи для стирки, когда они позвали ее к себе. Гарриет с удивлением обнаружила, что в гостиной, где они сидели, воцарилась гробовая тишина: Уинстон Черчилль произносил речь по национальному радио.

На улице стали раздаваться звуки ликования и пение, а Гарриет замерла на месте, чувствуя, как у нее задрожали ноги и заколотилось сердце. Мисс Клара и мисс Этель рыдали, прижавшись друг к другу и сияя от счастья.

– Разве это не чудесно, Гарриет! – восклицала мисс Этель, и ее порозовевшие щеки блестели от слез. – Наши мальчики возвращаются домой.

Спрятавшись на кухне, она села на холодный каменный пол, закрыла глаза и попыталась вызвать в себе хоть какое-то чувство, связанное с возвращением к ней Джейкоба. В ее памяти возникал раз за разом только один образ из последнего дня, когда она видела его: прощание на вокзале, холщовая сумка, перекинута через плечо, каштановые глаза, настороженно озирающиеся по сторонам, отсутствующая улыбка.

Они смотрели за тем, как другие пары целуются на прощание. Со слезами на глазах он повернулся к ней и сказал: «Я не справляюсь, родная. У меня нет сил». Его тогда отпустили домой, всего на неделю, но Гарриет была шокирована переменой в нем: на смену жизнерадостности пришли вспыльчивость и отсутствие аппетита. Он вздрагивал, когда она дотрагивалась до него, и почти не спал, проводя всю ночь за выпивкой, потому что слишком боялся заснуть из-за не оставлявших его в покое кошмаров. «Пожалуйста, спаси меня», – молил он ее прошлой ночью, со слезами на глазах засыпая в ее объятиях. Через несколько минут он со всей силы столкнул ее с кровати, потому что она перевернулась во сне и напугала его.

Вытирая слезы и поднимаясь, чтобы приготовить мисс Кларе и мисс Этель послеобеденный чай, она думала о письмах Джейкоба, аккуратно сложенных на ее туалетном столике. Несколько пачек писчей бумаги, письма, присланные за все эти годы. Каждое из них она старательно гладила и возвращала к жизни. Беспорядочные описания настоящего ада, буквы, выведенные его детским почерком на одолженной или украденной бумаге, вложенной в конверты разных форм и размеров. Читая их, Гарриет отчетливо представляла себе, как он пишет их при свече во временных лагерях. Замерший, напуганный, одинокий, он раздумывал над словами, потому что не хотел, чтобы она волновалась, – и все же необходимость поделиться пережитым брала над ним верх.

Первый день нашей высадки в Нормандии был тяжелым. Не успели мы сойти на берег, как нас тут же отправили в бой. Я ни за что не расскажу тебе о нем, потому что боюсь, что тебя будут преследовать те же образы, которые я никак не могу выкинуть из головы. Скажу только, что за весь день у меня не было времени ни попить, ни поесть. Мы прорвались через плацдарм и перешли сейчас в стремительное наступление. Не спал. Потерял все снаряжение и деньги. Глина и дождь – главные наши враги. Здесь разворачивается одна из труднейших битв этой войны, а во Франции союзники пытаются закрепиться на своих позициях. Чувствую, насколько ты далеко, и мне кажется, что часть меня осталась позади на том пляже.

*С любовью,
Джейкоб*

Глина и дождь – главные наши враги. По ночам ей снилось его лицо, следы слез на грязных щеках. Она видела его раненым и продрогшим, и на лице его, в глазах и в волосах кровь смешивалась с глиной. От непрекращающихся обстрелов – она слышала о них от тех, кто вернулся домой, – кровь тонкими струйками шла из его ушей. С каждым письмом оставалось все меньше надежды на то, что он вернется с войны, сохранив хотя бы частичку присущих ему нежности и жизнерадостности.

Сегодня всего только двадцатый наш день в строю, но кажется, будто прошли годы. То, что произошло со мной и моим батальоном, многие сочтут невозможным. Идти в бой плечом к плечу со своими лучшими друзьями – худшая пытка. Скольких из них разорвало на части снарядами. Сколько их осталось лежать позади. Просто не верится, что все это происходит на самом деле. Высадиться глубоко на вражеской территории и попытаться удержать позицию, которую штурмуют и обстреливают со всех сторон, пока союзники не прорвут оборону противника, – я скорее бы покончил с собой, чем прошел через все это снова. Я часами полз под пулями, думая, что каждая секунда может стать для меня последней. Я не могу рассказать тебе о том, что еще я видел, никогда не смогу. Скажу лишь, что и подумать не мог, что человек способен причинить столько боли близкому своему. Мне никогда не оправиться от того, что мне пришлось пережить.

Подав мисс Кларе и мисс Этель чай, она спросила у них разрешения сходить в город за продуктами, а затем поднялась в свою комнату, чтобы переодеться. Подойдя к туалетному столику, расчесала свои длинные волосы и с тяжелым сердцем посмотрела на призрака в отражении зеркала. Нанесла немного румян на свои бледные щеки, затем села в автобус до города, изобразив на лице улыбку. Все пассажиры говорили о том, что нужно ехать на поезде в Лондон, где на Трафальгарской площади и перед Букингемским дворцом собирались тысячи людей, желавших посмотреть, как король Георг, королева Елизавета и Уинстон Черчилль появятся на публике.

В автобусе было жарко и многолюдно, все пели и танцевали. То же было и на улице, когда Гарриет приехала в город и стала пробиваться сквозь толпу к входной двери почтового отделения. Оно казалось подходящим местом для того, чтобы спрятаться, – столько лет оно было спасательным тросом, соединявшим ее с Джейкобом. В первый день войны она отправила ему свое первое письмо, и вот теперь, в День Победы, она снова возвращалась на почту, пройдя полный круг. Гарриет потянула за ручку и чуть не споткнулась о порог; пока она закрывала за собой дверь, раздался нежный звон колокольчика. Оказавшись внутри, Гарриет с облегчением вздохнула.

Внутри было прохладно и безлюдно. Касса, из которой она отправляла все свои письма Джейкобу, находилась в дальнем углу. От пожилой женщины, которая здесь работала, всегда пахло лавандой, а все полки позади нее были заполнены конвертами и бандеролями, тетрадями и рулонами коричневой оберточной бумаги. Как и остальные, работница сегодня находилась в приподнятом настроении. Гарриет сделала глубокий вдох и, чтобы хоть на чем-то сосредоточиться, стала разглядывать стеклянную витрину рядом с кассой.

– Здравствуйте, Гарриет, как поживаете? Чем я могу вам помочь? – Ей тепло улыбнулась дама с седыми волосами, убранными в пучок, и обилием веснушек.

Гарриет почувствовала, как ее бросило в дрожь от этого вопроса. Когда она снова посмотрела на витрину, ее внимание привлек толстый, похожий на кирпич дневник.

– Могу ли я взглянуть на дневник, пожалуйста? – спросила она.

Женщина достала его с витрины и положила на прилавок.

– Ищите подарок для Джейкоба в честь его возвращения домой?

Гарриет протянула руку, коснулась кожаной обложки и стала перелистывать десятки страниц, готовые унести ее в будущее. Она представила, как строчки, написанные ее небрежным почерком, повествуют о жизни без войны, в которой она не потеряла ребенка во время бомбежек, а Джейкоб остался собой; о днях, наполненных пикниками, купаниями в реке, прогулками на велосипедах и приключениями, – только они вдвоем да их ребенок – маленькая семья, кажущаяся несбыточной мечтой.

Она даже не сказала Джейкобу, что снова забеременела. И она знала, что никогда не сможет поведать об этом никому. Как эгоистично это прозвучало бы, начини она говорить о никогда не существовавшем ребенке кому-то из тех, кто потерял на передовой сына, брата или мужа?

Мисс Этель была так добра к ней. Вызвала врача, когда боль и кровотечение стали слишком сильными. В этот раз Гарриет увидела, что это девочка, прежде чем врач забрал малютку. После этого у нее десять дней шла кровь, а боль была такой сильной, как никогда прежде. Но ей это было нужно. Нужно было испытать страдания, вызванные выкидышем, нужно было видеть кровь, чтобы убедиться, что ее девочка ей не привиделась.

Она до сих пор не могла забыть о ней. Прошли месяцы, но она так и не понимала, что ей полагалось чувствовать в этой пропасти, полной скорби по человеку, которого никогда не существовало. Ей нужно было рассказать об этом кому-то – кому-то, кто не стал бы отчитывать ее за эгоизм, кому-то, с кем она смогла бы поговорить, когда будет сложно уснуть.

– Вы узнали, когда он вернется домой, дорогая? Чудесный подарок, отлично подходит для вашего будущего вместе. Теперь есть так много поводов для радости.

– Да, вы правы! – откликнулась Гарриет, с улыбкой поднимая дневник с прилавка. – Я возьму его.

В тот вечер, когда она закончила со своими обязанностями по дому, Гарриет достала из прикроватной тумбочки дневник, открыла его на первой странице и взяла авторучку.

Вторник, 8 мая 1945 года

Дорогой дневник,

Вот и пришел тот день, о котором все так мечтали. Война закончилась, но я боюсь, что это еще не конец. На улицах ликуют толпы и идут парады, но над всеми ними постепенно берет верх чувство изнеможения.

Британия уже не та страна, какой она была до войны. Мы жили, ели, спали и видели сны про войну, и, хотя было объявлено, что она закончилась, стоит только бросить взгляд на наши пустые кладовые, шкафы без еды и погреба без угля, чтобы понять: все еще впереди. У всех, кого я знаю, война забрала кого-то из родных или близких, а те, кто вернулся живым, лишились глаза, руки или ноги.

И как я могу даже упоминать о том, что потеряла свою девочку? Я по-прежнему не знаю, что я должна чувствовать, – знаю лишь то, что скорблю по человеку, которого я никогда даже не держала на руках. Что мне делать со всеми надеждами и мечтами, которые я связывала с ней? В этот раз я была так близко, срок дошел почти до шести месяцев – я действительно думала, что у нас получится, что к возвращению Джейкоба мы будем ждать его дома уже вдвоем. И вот мои руки пронзает боль, потому что мне уже не суждено обнять свою малютку, а разделить эту скорбь с мужем я не могу, потому что на его долю и так выпало слишком многое. Как может женщина понять, что довелось пережить солдату на пляжах Нормандии? Как может мужчина, возвращающийся с войны, осознать, через что женщине пришлось пройти во время бомбежек, скольких усилий ей стоило поддерживать все эти годы очаг дома? В последний раз, когда Джейкоб был дома, мне показалось, что между нами море, которое мы никогда не сможем пересечь.

Я знаю, что в первую очередь я должна заботиться о своем муже и заработке, но я не могу перестать вспоминать свою малышку. Я не знаю, куда ее забрали. Когда я пришла к врачу на прием, он сказал, что не хочет меня расстраивать разговорами о ребенке и что мне нужно постараться двигаться дальше. Я боюсь, что она где-то похоронена заживо. Я ее видела, но ее забрали так быстро, что я не знаю точно, была ли она на самом деле мертва. Что, если они совершили ошибку? Я не могу понять, почему мое тело продолжает поступать так со мной, и не знаю, как это ребенок, который минуту назад пинался и был здоров, был жив – может внезапно умереть.

Я рада, что могу с тобой поговорить о своих проблемах, с которыми мне не стоит к кому-либо обращаться. Мне пора спать, ведь завтра мне потребуются силы, чтобы встретить дома своего бедного мужа. Мне невыносимо от одной мысли о том, в каком состоянии он, должно быть, находится. Благодарю Бога за то, что этому кровопролитию, по крайней мере, положен конец, но боюсь, что пройдет еще немало времени, прежде чем мы сможем оправиться от пережитого.

Глава третья

Айрис

10.00, среда, 19 ноября 2014 года

Айрис Уотерхаус сидела в Кларкenuэлле, в конторе адвокатов, которым она поручила дело о разводе. Когда ее муж раскрыл дверь, ее сердце сжалось от того, как сильно он исхудал за те два года, что они не виделись.

Джеймс, ростом чуть выше метра восьмидесяти, всегда был в хорошей форме, во времена их знакомства в медицинском увлекался игрой в крикет. На нем никогда не было ни грамма жира. Но сегодня он выглядел иначе: его стройность сменилась болезненной худобой, и впервые за шестнадцать лет со дня их знакомства он показался ей уставшим от жизни.

От перспективы потерять любимый дом ее сердце, только-только начинавшее заживать, словно бы разрывалось снова на части – однако это было единственной вещью, удерживающей ее от того, чтобы запрыгнуть на блестящий ореховый стол для переговоров и станцевать в честь удрученного вида Джеймса.

В сложившейся ситуации он подтверждал ее подозрения, что Люси Брюэр, двадцатитрех-летняя бывшая секретарша из клиники Джеймса, украла у нее мужа не потому, что хотела о нем заботиться. Совсем наоборот. Ей нужна была дойная корова, и после неудачных попыток заставить одного из его коллег, тоже мануального терапевта, бросить ради нее жену – над чем они с Джеймсом в то время смеялись – Люси переключилась на ее, Айрис, собственного мужа. И, к ее ужасу, он на это купился.

– Она знает, что у тебя нет денег? – спросила Айрис, когда они сидели в своем маленьком залитом солнцем саду. Это было последнее утро, которое они провели вместе; тогда он приехал забрать свои вещи. На этот раз не было ни криков, ни слез, Айрис не кричала, чтобы он исчез, не говорила, что ненавидит его, не плакала о том, что лучше бы они никогда не встречались, – на всю эту браваду разбитого сердца у нее больше не было сил. Она чувствовала лишь неопишемую боль.

– Айрис, я знаю, что ты хочешь ненавидеть Люси, но дело не в ней. Дело в нас. У нас все уже давно не ладилось.

– Ну да, точно, спасибо, что сказал, – буркнула она, прикусив нижнюю губу.

– Я просто устал от того, что все сводится к вопросу, получится ли у нас завести ребенка, – сказал он, положив последнюю коробку и захлопнув багажник. – Это словно черная дыра, которая медленно высасывает радость из наших жизней, а я так больше не могу. И да, прежде чем ты спросишь, нет, Люси не беременна. Она даже не хочет детей.

Это было два года назад, и в течение следующих месяцев она чувствовала настолько неконтролируемую тоску, что ей казалось, что лучше бы Джеймс умер, чем продолжал счастливую жизнь с кем-то другим. Они встречались с момента, когда Айрис было еще восемнадцать, и после разрыва она впервые по-настоящему поняла, что такое одиночество. Ее, конечно, поддерживали мать и подруги, но ей по-прежнему было тяжело возвращаться в темный и пустой дом. Не с кем было обсудить прошедший день, не с кем было ссориться из-за мелочей, никто не будил ее по ночам своим храпом. У Джеймса всегда был такой буйный характер, он был словно маленький ребенок, который не переставая болтал и суеился, перебивал всех во время разговора и устраивал бесчисленные драмы на работе, после которых ей приходилось его успокаивать. Все это сводило ее с ума, его энергия, постоянный поиск чего-то нового, инвестиции, которые дадут им разбогатеть... Теперь, однако, она была больше похожа на грустную старушку, которая не выключала по вечерам телевизор, чтобы не чувствовать себя так одиноко. Казалось, что эта тишина преследует ее повсюду.

Но если Айрис и знала, что будет тосковать по Джеймсу, она все же никак не была готова к тому шквалу чувств, которые она внезапно для себя открыла, узнав, что никогда не сможет выносить ребенка. «Все получится, дорогая, – настаивал ее муж. – Врачи сказали, что у нас все хорошо, нужно просто запастись терпением». Поэтому Айрис продолжала беременеть, делала в больницах всевозможные уколы, чтобы не случилось прерывания беременности, ходила на регулярные осмотры, на которых сердцебиение ребенка выводили на экран: *тук, тук, тук*. Все это продолжалось до тех пор, пока на сроке четырех, пяти, шести месяцев не наступала та неизбежная и ужасающая тишина.

– Прошу прощения, я на секунду, – говорил сонографист и отходил за советом коллег. Каждый раз повторялось одно и то же. Они отправляли ее домой, где рано или поздно у нее начиналось кровотечение. Тогда они с Джеймсом кое-как залезали в машину и, подавленные, отправлялись в роддом, в котором ей предстояло рожать, слушая завывания от боли других рожениц и пронзительные крики их новорожденных.

Айрис знала, что настанет день, когда Джеймс придет к ней за деньгами. Он на дух не переносил необходимость на что-то копить или на чем-то экономить, и то, что он в конце концов спустит на ветер все их сбережения, было лишь вопросом времени. Всю их жизнь в браке именно Айрис стабильно получала зарплату на должности корреспондента по вопросам здравоохранения в *The Tribune*, именно она своевременно платила за ипотеку, в то время как Джеймс постоянно переходил из одной клиники в другую. Раз за разом он откладывал поиски нового места, предпочитая зарабатывать на дому, но и это не приносило результатов, потому что он целыми днями изучал способы инвестировать деньги, которых у них не было.

Но единственный способ остановить его подразумевал официальный развод, а она на это не была готова – Айрис и в голову не могло прийти, что Джеймс зайдет настолько далеко, что попытается заставить ее продать любимый домик в Саутфилдсе, практически в центре Лондона.

– Правильно ли я понимаю, что после разрыва отношений между нашими клиентами не было заключено никакого письменного соглашения о разделе имущества, а именно дома и накопленных сбережений?

Айрис посмотрела на своего адвоката, Катрину Кип, женщину с тихим голосом. Ее острая челка, как и ее емкие формулировки, напоминали заточенное лезвие топора.

– Да, все верно, – произнесла мисс Кип и посмотрела на адвоката Джеймса, который сидел с надменным видом, откинувшись в кресле и заставляя Айрис нервничать. – Ну, моя клиентка утверждает, что большую часть их совместной жизни в браке ипотеку платила именно она, включая те долгие промежутки времени, когда ее муж был безработным, в то время как тот забрал себе почти сто тысяч фунтов стерлингов из сбережений, а также свои пенсионные сбережения, насчитывающие еще около ста тысяч. На момент, когда дом оценивался приблизительно в двести пятьдесят тысяч, они достигли соглашения о том, что раздел имущества был честным.

Заговорил адвокат Джеймса – это был лысеющий мужчина в дорогом костюме кобальтово-синего цвета. Айрис поймала себя на мысли о том, что костюм, вероятно, очень жмет ему в талии.

– Мой клиент сообщил мне, что его бывшая жена осталась в доме лишь в рамках временного соглашения, которое так и не было оформлено официально. – Он сделал паузу для большего эффекта, затем продолжил: – Он также говорит, что находится под значительным давлением ввиду того, что его спутница, мисс Брюэр, беременна.

Айрис почувствовала, как все ее тело напряглось. Стук сердца с гулом отозвался в ушах. Ее лицо словно бы горело, а когда она потянулась за стаканом воды, то ее руки начали дрожать. С того дня как он ушел от нее, она знала, что такая молодая девушка, как Люси, рано или поздно захочет завести ребенка, и Джеймс был идиотом, думая, что этого не случится.

Но теперь, когда это вдруг стало для нее реальностью, сердце Айрис разбилось на части: они сидели за блестящим ореховым столом в комнате для переговоров и обсуждали, должна ли она оплачивать счета за ребенка ее бывшего.

Мисс Кип выпрямилась в обитом черной кожей кресле.

– Как вам известно, – начала она, – мы уже обменялись вашими финансовыми отчетами и встретились для того, чтобы обсудить данную ситуацию, достичь соглашения приватно, не доводя дело до суда.

Адвокат Джеймса нагнулся вперед, и его пороссячи глазки заблестели.

– Поскольку данный брак будет классифицирован как продолжительный, отправной точкой станет равное разделение имущества. Мой клиент предполагает, что дом увеличился в цене за последние два года настолько, что было бы явно несправедливо, если бы он не получил равную долю от его текущей стоимости.

Айрис заставила себя посмотреть на Джеймса. Он что-то рассеянно рисовал ручкой в блокноте, слушая, что говорит его адвокат, и избегал встречи с ней взглядом.

– Все верно, поэтому, – ответила мисс Кип, и сердце Айрис ушло в пятки, – мы должны рассмотреть главные вопросы. Моя клиентка жила в этом доме на протяжении двух лет, понимая, что останется в нем и что он будет ее вложением. Мистер Хеннеси сказал моей клиентке, что оставит себе сбережения, накопленные за двенадцать лет их брака, чуть менее ста тысяч фунтов стерлингов, и свои пенсионные сбережения, в то время как за мисс Уотерхаус оставался дом, стоимость которого была чуть менее двухсот пятидесяти тысяч и почти равнялась сумме, которая осталась за вашим клиентом.

– Что случилось со всеми твоими сбережениями, Джеймс? – вдруг выпалила Айрис. Мисс Кип положила руку ей на плечо.

Вновь заговорил адвокат Джеймса.

– К несчастью, мой клиент инвестировал большие суммы на основание бизнес-предприятия, которое пока еще не приносит дохода. Принимая во внимание эту ситуацию, боюсь, мы больше не сможем рассматривать неформальное соглашение. Ваша клиентка живет в одном из самых престижных районов в Южном Лондоне, в доме с двумя спальнями, который сейчас можно оценить в триста тысяч фунтов, в то время как мой клиент снимает однокомнатную квартиру в Тутинге. Поскольку у него нет сбережений, а его спутница не может работать, его дохода на данный момент недостаточно для того, чтобы изменить ситуацию. Мы полагаем, что имеем законное право на долю денег от дома, будь то перезалог дома или его продажа.

– Могу я спросить о размере доходов спутницы вашего клиента, мистер Хеннеси? – тихо поинтересовалась мисс Кип.

Джеймс, который до сих пор не произнес ни слова, покачал головой, даже не поднимая глаз. Его адвокат заполнил тишину, заговорив.

– Спутница моего клиента работала некоторое время секретаршей, однако ее работа не очень хорошо оплачивается. К тому же у нее скоро родится ребенок, поэтому давайте пока не будем принимать ее доходы в расчет.

– Пусть она сейчас беременна, но не может же она думать, что в семье будет работать только муж, если денег не хватает, – резко произнесла мисс Кип.

– Почему мы должны не принимать ее в расчет, если это все ее рук дело? – Голос Айрис дрожал, и ей это не нравилось. Мисс Кип снова положила руку ей на плечо.

Айрис поборолла желание заплакать и встала. В комнате было душно, она должна была уйти. На подкашивающихся ногах она дошла до двери и потянула за ручку; до нее донесся голос ее адвоката, звучавший словно из тоннеля.

– Думаю, нам стоит прерваться на сегодня.

Выходя из комнаты, она услышала, как отвечает адвокат Джеймса:

– Если предварительный договор не будет подписан сегодня, то мы намерены идти в суд.

Ничего не замечая перед собой, Айрис прошла через приемную, толкнула вращающиеся двери и вышла в холодное ноябрьское утро, жадно глотая воздух. Когда она присела на корточки и приобняла колени, рядом с ней появилась Катрина Кип.

– Я не понимаю, – задыхаясь, говорила Айрис, глотая слезы. – Я думала, что я потерпевшая сторона, что закон на моей стороне.

– К сожалению, это распространенное заблуждение. Мне неприятно это говорить, Айрис, но боюсь, что закон на его стороне, потому что вы допустили ошибку, не подготовив тогда никаких письменных соглашений.

– Я доверяла ему, даже после всего, что он сделал. Мы были женаты двенадцать лет! Мне казалось, это должно что-то значить.

Мисс Кип присела на тротуаре рядом с Айрис.

– Боюсь, если вы доведете дело до суда в нынешнем его виде, решение точно вынесут в его пользу. Предпишут выплатить ему сумму исходя из его потребностей.

– Ему не достанется мой дом, – буркнула Айрис, со злостью смахнув слезу.

– Но в этом деле решающую роль сыграют потребности сторон, а вашему бывшему мужу будет нужно новое жилье, учитывая, что у него скоро родится ребенок. Конечно, вы можете попробовать довести дело до суда – однако тогда вас могут даже оштрафовать и потребовать возместить ему расходы на юриста, если дело выиграет он. Я рекомендую вам разделить имущество пополам.

– Я не могу сейчас на это согласиться, мне нужно подумать.

– Разумеется. Мы могли бы встретиться через два дня? Мне известно, что мистер Хеннеси готов довести дело до суда, если мы сегодня не подпишем предварительный договор. Ближится дата родов. Он знает, что он в выгодной позиции, но, думаю, я смогу выиграть для нас пару дней.

– Ладно, – пробормотала Айрис не своим голосом. – Два дня.

Катрина кивнула ей в ответ, но Айрис уже провожала взглядом пару прохожих – двух молодых влюбленных, которые не замечали ничего вокруг себя и совершенно не подозревали о том, какую боль они способны причинить друг другу. У Айрис зазвонил телефон.

– Алло? – произнесла она дрожащим голосом.

– Милая, прости, что отвлекаю тебя, знаю, у тебя сегодня утром встреча с Джеймсом. – Голос у ее матери был тише, чем обычно.

– У тебя странный голос. Что-то случилось?

Айрис взглянула на часы. Она сказала Майлзу, что вернется в офис не позднее одиннадцати. Сейчас она не была у редактора новостей на хорошем счету, поэтому ей никак нельзя было опаздывать.

– Айрис, не хотела на тебя все это вываливать. Думала позвонить тебе вечером, поговорить с тобой... – Айрис показалось, что ее мать вот-вот заплачет.

– Что такое? Ты в порядке? – спросила она.

– Да. Я в порядке. Джесси. Она пропала, – сказала Ребекка.

– Как это пропала?

– Джесси вчера родила девочку. Я сама лишь недавно узнала, что она беременна.

У Айрис скрутило живот. Ее единоутробная сестра, которую она почти не знала, только что родила ребенка; значит, она, а не Айрис, сделала их мать еще и бабушкой.

– Но как она могла пропасть? Разве она не рожала в больнице? – Мысли Айрис путались из-за новостей.

– Этим утром она ушла из больницы Святого Дунстана, хотя ее не выписывали. Малышке нужны антибиотики, а Джесси забрала ее с собой, поэтому все это очень опасно. Мне только что звонили из полиции и сказали, что ко мне уже выехал офицер по связям с семьей. Я хочу

приехать в Чичестер, но уверена, что Харви будет против этого. Наверное, он винит во всем меня.

– Как он может винить в этом тебя? Ты не виделась с Джесси почти год.

– Как раз об этом я и хотела с тобой поговорить, Айрис. Джесси приезжала ко мне в пятницу. Прости, я вовсе не хотела ничего от тебя скрывать, но все это довольно сложно.

Айрис почувствовала, как что-то внутри нее надорвалось. Как все дошло до этого? Ей стало стыдно за то, как враждебна она была по отношению к Джесси, пока та переживала какой-то личный кризис. Она уже сбилась со счета, столько раз ей приходилось мирить и успокаивать всех после очередного неудачного визита Джесси и ее властной мачехи Лиз. А в тех редких случаях, когда ее сестра приезжала с ночевкой, Джесси всегда удавалось выйти сухой из воды. Их мать ходила вокруг нее на цыпочках, отчаянно пытаясь возместить все то время, которое она упустила. Так или иначе, Айрис действительно изо всех сил пыталась понять ситуацию. Ничего ей не хотелось так сильно, как снова встретиться с Джесси.

– Это ужасно. Как она могла просто уйти? Мне казалось, что в больницах строгий пропускной режим, – сказала она в трубку.

– Не знаю как, но ей это удалось. Я не могу перестать думать, что у нее психоз, какой был у меня. Все так переживают, что она может сделать что-то глупое. По телефону мне ничего не сказали, а Харви наверняка не станет меня ни во что посвящать. Я попыталась связаться с кем-нибудь из больницы, но там все паникуют и никого не пускают внутрь. Может, у тебя получится что-нибудь узнать?

– Хорошо, – ответила Айрис, нахмурившись. – Кому-нибудь из прессы уже что-то известно?

– Ну, полицейский, который звонил мне, сказал, что, нас ждет пресс-конференция, но я совсем ничего не знаю. Как думаешь, ее могли заснять больничные камеры? Ты знаешь, сколько информации обычно дают прессе в ситуациях, когда нужно распространить новость среди населения?

– Обычно нас вводят в курс дела прямо перед конференцией, и больше мы ничего не знаем... Но может быть, мой начальник слышал что-то от местных новостных агентств.

– Если получится хотя бы спросить, я буду тебе очень благодарна. Я обязана узнать, видел ли их кто-нибудь с тех пор. Ты всегда говорила, что твои коллеги в *The Tribune* часто знают, что происходит, раньше полиции.

– Ладно, я позвоню своему начальнику и узнаю, слышал ли он что-нибудь. Не буду говорить, что мы родственники, просто скажу, что прошел слух о роженице, ушедшей из больницы Святого Дунстана с ребенком.

Сердце Айрис переполняла зависть. Джесси стала матерью – но теперь, судя по тому, что ей было известно, она подвергала свою дочь чудовищному риску.

– Спасибо, родная. Просто хотела позвонить, пока не приехал полицейский. Ты в порядке?

– Да, все хорошо, мам. Мне пора. Я позвоню, если узнаю что-нибудь.

Айрис глубоко вздохнула, бросила мельком взгляд на офис адвокатской конторы, а затем набрала номер отдела выпуска новостей и направилась к вокзалу.

Глава четвертая

– Как вас зовут?

Приглушенный женский голос тянет меня, но мои веки настолько отяжелели, что я с трудом могу их открыть. Рядом слышен громкий шум моря, и я чувствую холодный, мокрый песок под своими дрожащими ногами. Разбитые ракушки царапают мою кожу, словно когти. Я нахожусь у самого берега моря; вода то проносится подо мной, то удаляется. Ледяной ветер силен, и прилив тянет меня к воде, туда, где я хочу быть.

Женщина наклоняется и накрывает меня пледом.

– Вы меня слышите?

Я поворачиваюсь и смотрю на нее, замечая, что она одета в зеленую форму. Женщина представляется как Клэр, но я слишком замерзла, чтобы что-то ей ответить.

– Нам нужно отнести вас подальше от воды, в тепло. Вы можете попробовать встать?

Появляется мужчина, и они вдвоем берут меня под руки.

– Раз, два, три.

Мои конечности онемели – я стону от боли.

– Вы можете сказать, сколько вы здесь пробыли?

Я не отвечаю вслух, но вспоминаю, что я ушла вскоре после обеда, а сейчас уже темнеет. Я промерзла насквозь, в животе так пусто, что в нем жалобно урчит, но я не знаю, когда или как я сюда попала. Я стою и смотрю на море, у меня жутко дрожат ноги, и когда я опускаю взгляд, то понимаю, что на мне нет обуви. Возможно, я сняла ее, когда пошла к воде? Я смотрю на скамейку у края залива, но обуви там нет.

– Вот так. У вас отлично получается. Вы не помните, может, кто-то вас сюда сегодня привез?

Женщина плотнее укутывает меня в плед. Морской ветер бьет мне в лицо.

Сегодня темный, пасмурный день, и море выглядит таким же серым, как и в тот день, когда я оставила ее. Воздух, как и тогда, кажется настолько холодным, словно он состоит из капелек льда. Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить ее, в тысячный раз за день: ее запах, ее волосы, ее кожу – но с каждой новой попыткой сердце мое разрывается.

– Нам нужно занести вас в машину скорой помощи, немного согреть. Давайте вы примем нас, чтобы мы помогли вам идти?

Я поворачиваюсь и смотрю на лицо женщины. Ее губы шевелятся, но мой разум слишком слаб, чтобы понять, что именно она говорит, поэтому я снова оставляю ее без ответа. Мысли снуют в голове, запутываясь, как водоросли у меня под ногами.

– Я никогда не должна была оставлять ее, – шепчу я, но шум моря заглушает мои слова.

– Вот так. Не спешите, иначе у вас закружится голова, – говорит она. У нее короткие и волнистые волосы, заколотые назад невидимками, на ней нет макияжа. Она продолжает улыбаться мне, и в уголках ее глаз появляются морщинки, но я не улыбаюсь в ответ.

Я вернулась сюда, чтобы побыть с ней рядом, я не хочу уходить. Здесь я в последний раз держала ее на руках.

Они уводят меня, а у меня нет сил им помешать. Меня всю трясет, и ноги меня не держат. Мужчина накрывает меня еще одним пледом. Это не помогает. Я и не знала, что может быть настолько холодно.

– Вот так, хорошо. Видите машину скорой там, наверху? – спрашивает он. – Мы сейчас идем как раз туда. Мы возьмем на себя большую часть вашего веса. Вот так.

Когда мы начинаем идти, меня пронизывает непреодолимый страх. Я понимаю, что это конец. Я сюда уже никогда не вернусь и никогда не смогу так отчетливо вспомнить те бесценные дни, когда она была моей.

– Я не оставляла ее, я просто хотела поплавать, – говорю я, но рев моря снова заглушает мои слова.

– Сегодня слишком холодно, мисс, купаться нельзя, – добавляет женщина, не понимая смысла моих слов. На вид она такая молодая, только-только окончила школу. Идти далеко и трудно, и мои ноги вязнут в песке.

Я оглядываюсь назад, и море, как и тогда, шепчет мое имя.

Мы доходим до открытых дверей машины скорой помощи. Мне помогают подняться по металлическим ступенькам, укладывают на кровать. Поднимают бортик, чтобы я не выпала, как будто я снова стала малышкой и меня уложили спать в детской кроватке. Я закрываю глаза и прислушиваюсь к биению своего сердца.

Женщина ощупывает мою ладонь.

– У вас слишком замерзли пальцы, чтобы взять анализ крови. Я подержу вас за руку и погрею вас.

Я не хочу, чтобы она касалась меня. Я вырываю руку, но она настаивает, надевает что-то мне на палец и вокруг предплечья. Я пытаюсь избавиться от них, но женщина крепко держит меня. Я начинаю злиться. Я хочу побыть одна у моря и вспомнить ее, вспомнить последние мгновения, когда во всем мире были только моя малышка и я. Я не хочу уходить.

– Пожалуйста, оставьте меня здесь, – говорю я. – Мне плевать, если я умру.

Но она повернулась ко мне спиной и не слышит меня.

– Как она? – спрашивает мужчина у двери.

– Становится возбужденной. У нее брадикардия и гипотермия, низкая температура, тридцать четыре. Уровень кислорода шестьдесят. Давление девяносто на пятьдесят пять. Забираем ее.

– Включать сирену?

– Обязательно. Сейчас будут пробки.

Она отвлекается на свои записи. Жаль, что у меня нет сил бежать.

Я оглядываюсь и вижу, как мужчина закрывает задние двери. Я бросаю последний взгляд на море. Оно зовет меня. Я была здесь раньше.

Они ошиблись. Все это время они не знали правды. Я не брала свою малышку в море.

Я оставила ее в пещере. Я собиралась вернуться к ней.

Машина скорой помощи грохочет по дороге. Я проваливаюсь в полудрему, затем просыпаюсь от резкой остановки. Задние двери открываются, вокруг меня начинают суетиться медики. Судя по их голосам, они взволнованы.

– Температура падает – тридцать один. Помогите ее поднять!

Они берут носилки, выносят меня из машины скорой, направляясь в сторону ярко освещенного входа. «Отделение неотложной помощи», – читаю я, но красные буквы режут мне глаза.

Я медленно поворачиваю голову и вижу, как к нам бежит медсестра. Свет в коридоре слишком яркий. Больше всего на свете я хочу снова оказаться у моря, в темноте, наедине с воспоминаниями о моей малышке.

– Нас вызвал к бухте Уиттеринг случайный прохожий. Когда мы приехали, она сидела у воды и, по всей видимости, была не в себе. Температура тела упала с тридцати четырех до тридцати одного, пульс сорок. Мы спрашивали, как ее зовут и сколько ей лет, но она не отвечает.

– Третья палата, – медсестра в белом халате наклоняется ко мне. – Эй! Вы меня слышите? Меня зовут Хелен, я медсестра. Скажите, как вас зовут?

Я закрываю глаза и отворачиваюсь. По моей щеке скатывается слеза. Лишь бы они все ушли.

– Она очень бледная, губы посинели. Нужно отвезти ее в реанимацию. Я позову врача.

Носилки снова движутся; на этот раз вокруг еще больше людей. Все так громко, так ярко. Мне страшно. Мне не скрыться. Я не боялась, когда была в воде, я хотела, чтобы море хоть в этот раз забрало меня. Я не хочу всего этого. Я не хочу здесь оставаться.

– Давайте ее переложим. Раз, два, три, подняли!

Меня кладут на другие носилки. Я прошу оставить меня в покое, но меня никто не слышит.

– Надо снять с нее мокрую одежду, – говорят они, хватая мои руки, ноги. Все тело жутко болит.

Они с резким шумом снимают манжету тонометра.

– Девяносто на шестьдесят, – произносит кто-то.

Пожалуйста, дайте мне умереть. Носилки слегка покачиваются, словно я лежу в лодке. Я закрываю глаза, стараясь представить, что я у моря. Если бы только у меня тогда хватило духа зайти в воду.

Носилки дергаются, бортики опускаются, и я хватаюсь за края, чтобы не упасть. У меня начинает кружиться голова, я пытаюсь отвернуться от всех этих людей, но мне не хватает сил.

Звучит еще один голос.

– Эй, вы меня слышите? Я доктор Харди, отделение реанимации.

Он щиплет меня чуть выше ключицы. Мне больно, и на секунду я открываю глаза.

– Мы знаем, как ее зовут? С ней кто-нибудь был?

Он кажется взволнованным. Меня подташнивает, и вдруг тело начинает согреваться.

– Ее заметил на пляже случайный прохожий. Она так и не сказала, как ее зовут.

Тепло медленно расплзается по моему телу. Внезапно мне становится нестерпимо жарко. Я пытаюсь сбросить с себя одеяло. Меня снова им накрывают.

– Подключайте кислород.

Еще больше ужасного шума. Мне надевают на лицо маску, в ушах стоит шипение. Я пытаюсь ее снять, но меня останавливают и приказывают дышать. Вдох, выдох. Вдох, выдох.

Это как прилив. Его не остановить.

Я пытаюсь мысленно вернуться в тот день. Вспомнить последние мгновения рядом с ней. Где-то звучит детский плач, и я оглядываюсь по сторонам.

Слезы наполняют глаза, я чувствую давление в груди. Мне хочется крикнуть им, чтобы они убирались, но голос меня не слышат.

– Воздух поступает в легкие. Пульс сорок. Давление девяносто на шестьдесят. Температура? Нужно ставить катетер, делать анализ крови и ввести ей внутривенно разогретый раствор.

– Слышите, ребенок плачет, – пытаюсь произнести я сквозь маску, но слова застревают в горле.

– Что-что? – Медсестра на секунду прерывается и наклоняется ко мне, приподнимая мою маску. – Что вы сказали?

– Ребенку нужна помощь.

Я не в силах унять охватившую все тело дрожь.

– Все в порядке. Не волнуйтесь.

– Что они с ней делают? – Этот плач уносит меня в прошлое.

– Вы можете сказать нам, как вас зовут, чтобы мы могли связаться с родными? Я уверена, что они очень за вас волнуются.

– Моя девочка так же плакала. Я ее не бросала. Я собиралась вернуться.

Медсестра гладит меня по волосам и надевает маску обратно.

– Она совсем не в себе, – говорит она.

Я закрываю глаза и мысленно возвращаюсь в бухту – туда, где все закончилось, и туда, где все началось.

Глава пятая

Ребекка

Пятница, 14 ноября 2014 года

Ребекка Уотерхаус, стоя у окна своего домика в викторианском стиле, высматривала красный «Фиат» своей дочери, но тот все не появлялся. Она снова взглянула на часы на стене – вот уже в третий раз за пять минут.

Было почти десять утра. Джесси опаздывала на полчаса, но с тех пор, как они в прошлый раз виделись, прошло столько времени, что Ребекка уже и не знала, похоже ли это на ее дочь. Она тяжело вздохнула, стараясь успокоиться. С Джесси все в порядке. Они обязательно встретятся и, как выразилась вчера Джесси, «поболтают». В конце концов, Джесси сама позвонила ей и назначила встречу, не могла же она передумать? Скорее всего, эту французскую непунктуальность она унаследовала от отца.

Ребекка подошла к кухонному столу и налила себе большую чашку черного кофе. Глаза болели; она так и не смогла снова уснуть после того, как телефонный звонок дочери разбудил ее глубоко за полночь.

Когда на зазвеневшем вдруг телефоне высветилось «Джесси», ей показалось, что она все еще спит. Схватив телефон, она спросила, мгновенно погружаясь в панику:

– Джесси? Ты в порядке?

– Да, все хорошо. – В голосе дочери она услышала нотки раздражения. С другой стороны, с тех пор как они в последний раз общались, прошло так много времени. – Прости, я тебя разбудила? Я перезвоню, – добавила Джесси.

– Нет, что ты! Нет-нет, все хорошо. Я просто задремала, я не спала. Так рада тебя слышать. – Ребекка знала, что голос ее звучал неуверенно и даже несколько жалко, но так было всегда, когда она говорила со своей тридцатидевятилетней дочерью.

Тогда она, разбуженная посреди ночи, села в кровати и стала нащупывать переключатель, и вдруг ее взгляд упал на пустующую рядом постель. Внезапно Ребекка ощутила острую горечь утраты. Будь муж здесь, он бы только перевернулся на другой бок и продолжил мирно сопеть, но одно его присутствие уже бы успокоило ее. Прошло уже почти десять лет.

Воцарилось неловкое молчание. Ребекка боялась спугнуть Джесси, словно та была малиновкой, подлетевшей к открытому окну и севшей на подоконник.

– Знаю, прошло уже довольно много времени, но у меня не было возможности сказать тебе, как жаль мне было услышать о Лиз. Я часто думаю о том, насколько тебе ее, должно быть, не хватает, – сказала наконец Ребекка. Она знала, как сильно ударила по ее дочери смерть Лиз от рака, и надеялась, что ее слова не покажутся неискренними. – Надеюсь, моя открытка пришла вовремя?

– Да, спасибо, – ответила Джесси, ни слова больше не добавив о том, какую скорбь ей пришлось испытать. С тех пор как Лиз, воспитывавшей ее почти с самого рождения, диагностировали рак груди, Джесси практически прервала общение с Ребеккой, с которой они и так не ладили. После смерти Лиз молчание продолжалось еще два года. Ребекка догадывалась, что Джесси не хотела оскорблять память приемной матери.

Ребекка мысленно вернулась в тот день, когда она в последний раз видела Лиз, почти десять лет назад. Примерно тогда умер Джон, отец ее младшей дочери.

Они встретились – Джесси, ее биологическая и приемная мать – в кафе в Брайтоне. Место для встречи предложила Лиз, до него было удобно добираться всем, – но Ребекка отправилась бы и на край света, лишь бы провести хоть немного времени с дочерью. Атмосфера была напряженной. Вокруг них гремели тарелки и звенели ножи и вилки, а Лиз читала Ребекке лек-

цию о гомеопатии и о том, как черпать силы из своей менопаузы, позвякивая о стол своими огромными браслетами.

Та встреча знаменовала начало конца тех хрупких отношений, которые все старалась выстроить Ребекка между собой и Джесси. Горюя по мужу, впадая в отчаяние из-за того, что на столь редких и ценных встречах с дочерью обязательно присутствует Лиз, Ребекка позвонила ей и спросила, не настало ли время той отступить и дать их с дочерью отношениям шанс.

Но Лиз сразу же вскипела от ярости.

– Ребекка, ты и представить себе не можешь, насколько болезненны для Джесси эти встречи! – бросила она.

– Что ж, я бы знала – и я правда хочу знать! – если бы только ты дала мне шанс поговорить с ней.

– Я тут вообще ни при чем. Сегодня мне пришлось уговаривать ее на нашу встречу – не будь меня там, она бы даже из собственной комнаты не вышла. – Лиз говорила так, как будто Джесси было двенадцать, а не двадцать восемь. – Но если ты этого хочешь, что ж, так и быть. Начиная с сегодня, я больше вообще не буду вмешиваться в ваши отношения. Посмотрим, как вы без меня справитесь! Ты могла бы хоть раз сказать мне спасибо, учитывая, как много я сделала для твоей дочери.

Шло время, а письма и телефонные звонки Ребекки по большей части оставались без ответа. Предсказание Лиз о том, что без ее вмешательства отношения Ребекки и Джесси перестанут существовать, оказалось – к счастью для самой Лиз – верным.

Слыша только молчание в трубке, Ребекка попробовала еще раз:

– Как ты поживаешь, Джесси?

– Я в порядке, – ответила та после долгого молчания. – На самом деле... я беременна.

От этих неожиданных слов у Ребекки перехватило дыхание. Она чувствовала, что вот-вот заплачет от непреодолимой тоски. Как до этого дошло? Это был самый значимый момент в жизни ее дочери, а она, должно быть, узнала обо всем последняя. Ребекка вытерла слезы, которые все-таки хлынули из ее глаз, и сглотнула, судорожно пытаясь подобрать нужные слова.

– Это просто чудесно! Какой срок?

– Тридцать шесть недель, так что осталось совсем немного.

Голос Джесси прозвучал так буднично, по-взрослому. У нее должен был появиться малыш, но поддержка матери, как всегда, была ей не нужна.

Почему Харви ничего не сказал? У Джесси, ее старшей дочери, через месяц родится ребенок, ее внук!

– Не сердись на папу. Я сказала ему, что сама хочу тебе обо всем рассказать, – добавила Джесси, словно читая ее мысли.

Ребекка прокашлялась, пытаясь собраться с духом.

– Я не сержусь, я на седьмом небе от счастья. Я так рада за тебя! Для меня так важно, что ты позвонила.

С тех пор как умер Джон, их некогда счастливая семья становилась все более разобщенной. Айрис и Джеймс разошлись, а из-за того, как сильно Айрис хотела ребенка, отсутствие Джесси в их жизни казалось все острее. Ребекке хотелось верить, что с появлением этого малыша все изменится.

– Спасибо, мам.

Ребекка позволила себе улыбнуться, стараясь насладиться тем, что только что произошло. Уже десять лет она не слышала от Джесси этих двух слов: «Спасибо, мам». Ребекка боялась, что все это на самом деле сон и она вот-вот проснется.

– Я могу что-то для тебя сделать? Я с радостью тебе помогу, с чем угодно, если ты захочешь, конечно.

Ребекка пыталась не слишком навязываться. Шаг за шагом, постепенно; только не спугнуть.

– На самом деле ты могла бы помочь, – сказала наконец Джесси.

– Всё что хочешь.

Ребекка уловила нотки беспокойства в голосе дочери и поняла, что Джесси хотела побеседовать о том, о чем сама она говорить не хотела. Волоски на ее шее встали дыбом.

– Я довольно сильно переживаю из-за всего этого. В смысле из-за беременности, – Джесси сделала паузу. – А папа сказал, что ты была такой же, когда ждала меня. Я никогда с тобой ни о чем таком не говорила... Что с тобой случилось, когда я родилась, почему ты не справлялась. Думала, что если ты расскажешь, то это... поможет, что ли.

Ребекка закрыла глаза и попыталась собраться с мыслями. *Папа сказал, что ты была такой же, когда ждала меня.*

Сколько Харви успел ей рассказать? Был ли он с ней честен, говоря о том малодушии и страхе, которые она испытала, когда узнала, что забеременела, только-только пройдя аккредитацию врача? Поделится ли он с Джесси той жестокой правдой о том, как росло ее беспокойство, когда ей пришлось вернуться в больницу спустя всего шесть недель после рождения ребенка, и она должна была работать весь день, оставлять Джесси в больничных яслях с половины восьмого утра до шести вечера, спускаться вниз, чтобы покормить ее грудью, и дежурить по ночам, чтобы остаться в должности старшего судебного распорядителя? Доверил ли он ей свои воспоминания о психозе жены, который начался в первые же часы после появления Джесси на свет и превратил каждый ее день в чудовищный кошмар, от которого не было никакого спасения? Рассказал ли он их дочери о том, как по ночам Ребекка умоляла его не засыпать, настолько она боялась остаться наедине с полицейским, который появился на другом конце кровати вскоре после рождения Джесси и которого видела только она – детектива-инспектора Гиббса, человека, который допрашивал ее на протяжении четырех страшных часов в ночь, когда умерли ее родители и когда ей пришлось все время допроса сидеть в ночной рубашке, по-прежнему покрытой кровью ее матери?

Конечно же нет. Чертов святоша Харви нанес ответный удар. Почему он хотя бы не позвонил, чтобы предупредить ее? Ребекка не могла вспоминать ту ночь, просто не могла.

– Дорогая, ты рассказывала об этом своему врачу? – сказала она, пытаясь выторговать себе пару минут на размышления.

Джесси тут же затихла, и эта тишина не сулила ничего хорошего. Она могла слышать, как в мозгу ее маленькой девочки звучали слова: *Ты меня дуришь, я тебе не нужна, пусть мной занимается кто-то другой, ты всегда этого хотела. Я тебе никогда не была нужна.*

– Я же слышу, что ты не очень хочешь, – сказала Джесси. – Я понимаю. Не надо. Прости, что так поздно позвонила.

Вены Ребекки наполнились адреналином. Вот он – ее последний шанс восстановить хоть какое-то подобие отношений с дочерью. Если она его упустит, все будет кончено: она потеряет Джесси навсегда, а вместе с ней и свою внучку. И виноватой в этом будет лишь она сама.

– Нет, родная, – ответила она, пытаясь скрыть свое беспокойство. – Не в этом дело. Твоя просьба просто немного застала меня врасплох, а еще я хочу убедиться, что твой врач хорошо о тебе заботится. Конечно, я хочу тебе помочь. Я с радостью с тобой поговорю. Это было непростое время... Но у тебя есть полное право о нем знать. Знаю, тебе было непросто об этом меня попросить.

Ребекка вцепилась ногтями в колено, повторяя про себя: «Пожалуйста, не вешай трубку, пожалуйста, не надо». Наконец Джесси заговорила.

– Если ты не хочешь говорить об этом, то и не надо. Я хочу сказать, если мы не можем быть честны друг с другом.

Ребекка услышала в словах дочери нотки влияния Лиз. «Мы все должны быть честными, делиться своими чувствами». «Женщины должны поддерживать друг дружку». Она так и видела, как Лиз прижимает Джесси к своей широкой груди, воркуя: «Иди ко мне, малышка, ничего, поплачь, говорить о том, что ты чувствуешь, совершенно нормально, а в том, чтобы думать о себе, нет ничего эгоистичного. Если у тебя нет сил видаться с мамой, у тебя есть полное право этого не делать». И в то же время сама Лиз никогда не применяла всех этих честных принципов ни к себе, ни к настоящей причине, по которой она, бездетная, поощряла отстранение Джесси от Ребекки и держала последнюю на безопасном расстоянии и от приемной дочери, и от мужа. А Харви в то время, как и всегда, принимал сторону Лиз, выбирал самый легкий путь и даже не пытался встать на ее защиту.

– Я знаю, что твой нервный срыв отчасти был связан с тем, что случилось с твоими родителями, – продолжила Джесси, – и что это очень сильно на тебя повлияло. Мне просто никогда не хватало сил, чтобы спросить тебя об этом, но все это так долго накапливалось во мне, мне кажется, это больше не может продолжаться.

Нервный срыв? Ребекку передернуло от этих слов. Интересно, Харви или Лиз принадлежала эта версия произошедшего? Так или иначе, она по-прежнему не помогла Джесси разобраться, потому что ей было слишком больно вспоминать ту ночь. Почему именно ей было суждено преследовать ее на протяжении всей ее жизни?

– Думаю, ты совершенно права, – сказала Ребекка. – Главное, чтобы тебе это помогло. Может, ты как-нибудь зайдешь? Мы могли бы поболтать.

– Да, пожалуй. Завтра подойдет?

Завтра была пятница, первый выходной Ребекки за две недели, и она запланировала пообедать с подругой, а потом пойти в Национальную портретную галерею. Конечно, все это могло подождать.

– Завтра? Да, было бы здорово, – ответила она.

Они уточнили время встречи, и когда она закончила свой телефонный разговор с Джесси, Ребекка тут же подумала об Айрис, своей младшей дочери, которая была от Джона и родилась спустя пять лет после Джесси. С ней Ребекка была очень близка. У Айрис тоже не складывались какие-либо доверительные отношения с Джесси, как бы она этого ни хотела.

Ребекка хотела было позвонить своей младшей дочери и рассказать ей про звонок Джесси – и про ее ребенка, но тут она остановилась. Было бы эгоистично с ее стороны изливать душу Айрис, тем более что дело касалось беременности Джесси. У Айрис случилось столько страшных выкидышей, что ей непременно бы стало очень тяжело, узнай она, что ее мать скоро станет бабушкой.

Поэтому она и провела остаток ночи в одиночестве, достав кипу старых газетных вырезок с чердака и успев где-то занозить ладонь.

ВETERAN ВОЙНЫ УБИЛ ЖЕНУ И ЗАСТРЕЛИЛСЯ

Прошлой ночью мужчина, страдавший от боевого военного невроза, убил жену и покончил с собой.

Сорокапятилетний Джейкоб Уотерхаус, лечившийся от психоза, в приступе гнева забил до смерти свою жену, сорокатрехлетнюю Гарриет Уотерхаус, и застрелился.

Жители Уиттеринг-Бэй, графство Сассекс, охарактеризовали мистера Уотерхауса как сдержанного и закрытого человека, очень редко появляющегося в деревне. «Сивью», их домик у моря, в котором произошли убийство и последующий суицид, стоит на отшибе и окнами выходит на бухту

Уиттеринг. По словам местных жителей, поздно ночью они слышали вой полицейских сирен и видели, как тела увезли на скорой.

Их дочь, тринадцатилетняя Ребекка Уотерхаус, по всей видимости, находилась дома в момент этого страшного происшествия. Тем не менее, по имеющимся у нас сведениям, она не пострадала и теперь живет в семье, которая дружила с погибшими.

Ребекка скользила уставшим взглядом по строчкам, которые вызывали в ней все те же чувства, что и тогда, и каждая клеточка ее тела противилась мыслям о той ночи. Однако у нее не было выбора. Ради своей дочери ей нужно было сосредоточиться и вспомнить то, что она пыталась забыть на протяжении всей своей жизни.

Глава шестая

Харви

11.00, среда, 19 ноября 2014 года

– Итак, мистер Робертс, вы утверждаете, что не связывались с дочерью с того момента, как она ушла из больницы примерно в восемь часов сегодня утром?

Детектив Патерсон сидел рядом с ним на диване и не сводил с него своих серых глаз, занеся над блокнотом ручку. Харви слышал в его голосе годы тренировок, речь его была осторожной и хорошо отрепетированной. Детектив двигался медленно, а лицо у него было вытянутое и безучастное и напоминало Харви одну из монолитных статуй на острове Пасхи.

– Нет, я уже сказал вам, что в последний раз я разговаривал с ней вчера вечером, перед тем как уйти из больницы. Я написал ей примерно час назад, что буду сегодня к одиннадцати – сейчас.

Харви посмотрел на часы, висевшие в коридоре, где ходила из стороны в сторону детектив Галт, разговаривая по телефону. Он напряг свой слух, пытаясь расслышать, о чем она говорила. Очевидно, детектив старалась говорить потише, но Харви удалось уловить несколько слов: «Станция... замечена... свидетели...»

– Получили ли вы ответ на свое сообщение? – спросил детектив Патерсон, подняв взгляд с записей в блокноте.

– Что? – обернулся Харви.

– Ответила ли Джессика сегодня утром на ваше сообщение?

Харви взглянул на свой телефон, который лежал на кофейном столике.

– Нет, пока нет. Я не понимаю. Как это могло произойти? В больнице же есть охрана – вчера вечером меня проводили к выходу.

– Мы как раз пытаемся в этом разобраться. Она ушла в тот самый момент, когда больница открылась для посетителей, и есть вероятность, что она выскользнула, когда кто-то заходил внутрь. А секретарь в приемной, должно быть, отвлекся... – сказал детектив Патерсон.

– Ну, в это нетрудно поверить. Там все постоянно отвлекаются – это не больница, а сумасшедший дом. Да вы хоть понимаете, что у девочки инфекция?

Харви обхватил руками голову и попытался развеять пелену чудовищной усталости, из-за которой невозможно было сосредоточиться.

– Да, нам сообщили об этом, мистер Робертс, и именно этот факт беспокоит нас больше всего.

– Мне сказали, что если не закончить курс антибиотиков, который ей назначили, то ее состояние может вскоре серьезно ухудшиться.

– Да, и мы работаем в тесном сотрудничестве с медицинским персоналом больницы Святого Дунстана.

– А что они сказали про лекарство? Сколько у нас есть времени на их поиски?

– Сложно сказать. Мистер Робертс, важно сохранять спокойствие.

– Сколько у нас времени, прежде чем мы потеряем Элизабет? – взмолился Харви. – Прошу, скажите честно.

– Примерно двенадцать часов с момента введения последней дозы антибиотиков, которую она получила незадолго до того, как Джесси ушла с ней из больницы около восьми утра. Врачи, с которыми я говорил, сказали, что по прошествии этого времени ее состояние станет стремительно ухудшаться. Поэтому мы и должны работать сообща, чтобы найти их в целости и сохранности и как можно скорее. В котором примерно часу вы ушли из больницы?

Харви кивнул.

– Время посещений закончилось в восемь вечера. Я хотел побыть с ней подольше, поскольку ее парень работает за границей, но мне не позволили.

Харви представил, как Джесси смотрела в окно, провожая его взглядом. Он обнял ее, прошептал «до скорой встречи» и сказал, что вернется завтра утром. Малышка Элизабет лежала в своей кровати, и на ее маленькой ручке была толстая повязка, фиксирующая катетер. Охваченный дурным предчувствием, он наклонился и поцеловал ее в лоб.

– Есть ли у вас какие-либо предположения насчет того, куда она могла бы направиться?

От детектива Патерсона пахло кофе. Харви смотрел на него и думал о том, как два офицера полиции попивали свой кофе навынос, когда им поступил вызов – нужно приехать к нему домой и сообщить эту тревожную новость о Джесси. Собрать информацию. Еще один день, еще один вызов. «Давай разберемся с этим поскорее, смена может выдаться долгая», – сказали, должно быть, они, выезжая из Чичестера в сторону района Саут-Даунс, в деревеньку под названием Уэст-Уиттеринг, где Джесси провела свое детство.

У Харви сводило мышцы икр. У него всегда подрагивали ноги, когда он был измотан. Это очень раздражало Лиз, когда они сидели на диване по вечерам, Лиз читала очередной сенсационный детективный роман, а он засыпал за просмотром вечерних новостей. «Да ложись ты уже в кровать», – вздыхая, говорила она, заметив, что он клюет носом. У него и сейчас стояла перед глазами эта картина: Лиз лежит рядом и следит, задыхаясь от изумления, за всеми поворотами и перипетиями сюжета книги, вытянув ноги и положив их ему на колени. «Я так и знала, – сказала бы. – Это ее парень. Мне не раз казалось, что он что-то скрывает».

Харви знал, что детектив Патерсон следил за ним, изучал, как он реагирует на его вопросы. Скорее всего, тот уже просмотрел его досье и, быть может, даже знал о том, как Харви был задержан на сутки в возрасте пятнадцати лет – в ночь, когда умерли родители Ребекки, – и выпущен с вынесением официального предупреждения. Словно он был каким-то преступником, когда на самом деле он не сделал ничего плохого.

– Той ночью кто-то стоял у двери, Харви. Я помню, как отец с кем-то разговаривал. Сначала я думала, что это ты, что ты пришел за мной.

Голос Ребекки дрожал, когда она вспоминала о событиях той ночи спустя несколько месяцев после переезда к нему и его отцу.

– Но ты же сказала, что, когда ты спустилась вниз и нашла родителей, рядом никого не было, – говорил он Ребекке, беспокоясь о нанесенной ей той ночью травме. – Кто же это мог быть?

– Не знаю, наверное, мне и правда показалось, – отвечала она. Харви пытался обнять ее и утешить, но, как и всегда, она отшатывалась. – Ты мне не веришь, Харви.

Ее зеленые глаза наполнялись слезами, и он начинал отчаянно искать правильные слова.

– Конечно же, я тебе верю, просто не знаю, как тебя утешить, – отвечал он, обдумывая каждое слово. – Ты все время расстроена... Как будто ты винишь меня за то, что я не был тогда рядом.

Харви видел, как сильно она изменилась после той ночи, замкнулась в себе и больше не обращалась к нему за поддержкой. Что бы он ни говорил, он никак не мог до нее достучаться и вернуть себе прежнюю Ребекку.

Очнувшись от своих раздумий, Харви мельком взглянул в коридор и попытался расслышать, о чем детектив Галт говорила по телефону. «Хорошо... выполним... сейчас у отца Джессики». Детектив была невысокой и миловидной, с темными волосами до плеч и темно-кариими глазами; казалось, она чувствовала, что Харви за ней следит, и отводила взгляд всякий раз, когда он смотрел на нее слишком пристально.

Детектив Патерсон задал свой вопрос еще раз.

– Мистер Робертс, возможно, у вас есть хоть какие-то предположения касательно того, где могла бы находиться ваша дочь?

Харви снова посмотрел на детектива Патерсона и понял, что, ожидая собственного ответа, задержал дыхание. Казалось, все его чувства обострились. От света зимнего солнца, проникающего сквозь окна гостиной, у него заболели глаза, часы в коридоре тикали как будто громче обычного, жжение от изжоги разлилось по животу. Любая мелочь вдруг стала причинять Харви боль, от которой изнывало все его тело.

– Вы пробовали говорить с ее матерью? Ребеккой Уотерхаус?

– Да, мы связались с доктором Уотерхаус. Полагаю, с ней сейчас офицер по связям с семьей.

– Честно говоря, Джессика с самого своего рождения находилась под моей опекой. Я не хочу видеть здесь Ребекку, это все лишь усложнит.

– Хорошо, мистер Робертс, но я должен сказать вам, что мы планируем провести пресс-конференцию в обеденное время в случае, если к тому моменту мы еще не найдем Джессику. Мы считаем, что было бы неплохо, если бы вы записали обращение вместе с ее матерью.

– Это исключено! – рявкнул Харви. – Об этом не может быть и речи. Тем более что ее появление только сильнее расстроит Джесси.

– Полагаю, в данный момент отношения между Джессикой и Ребеккой скорее натянутые?

– Можно и так сказать. Пару дней назад Джесси приходила к ней в гости, а после их встречи была очень расстроена. Не удивлюсь, если именно это все спровоцировало.

Детектив Патерсон медленно кивнул и записал что-то в своем блокноте.

– Не могли бы вы рассказать нам, что именно вам сказала Джесси о встрече с матерью?

Харви тяжело вздохнул.

– Увы, нет. Два года назад умерла моя жена, Лиз, мачеха Джесси, и Джесси было крайне нелегко справиться с этой утратой. Они были очень близки. Думаю, в тот момент, когда подходили ее сроки, Джесси как раз пыталась заполнить чем-то эту пустоту в сердце. Только вот встреча, как и всегда, прошла не очень хорошо.

– Что вы имеете в виду? – детектив Патерсон широко раскрыл глаза.

– Да не знаю я! Спросите Ребекку, – вспыхнул Харви.

– Мы непременно спросим, мистер Робертс. Я понимаю, что вы переживаете, мы *все* очень обеспокоены сложившейся ситуацией, но нам нужно собрать как можно больше информации, чтобы попытаться выяснить, что происходит с Джессикой, и найти ее.

– Что происходит с Джессикой... Ее жизнь похожа на ад, вот что. Она потеряла женщину, которая о ней с младенчества заботилась, она только что прошла через тяжелые роды, а ее парень в командировке, да еще она несколько суток не спала. – Харви почувствовал, как у него горит лицо, и все же продолжил. – Джесси насильно принуждали кормить грудью, пока ее девочка голодала. Когда я уходил, у нее начинался ступор, но меня никто не слушал. У Ребекки, ее биологической матери, было то же самое после родов. Но им просто дали выйти на улицу посреди бела дня. Сейчас ноябрь, черт возьми! Неужели у вас вообще нет идей о том, куда она могла пойти?

– Мистер Робертс, в данный момент полицейские изучают записи со всех камер наружного наблюдения. На последних кадрах, которые нам удалось найти, Джесси направляется к железнодорожному вокзалу Чичестера. Конечно же, логично предположить, что она села на поезд, но камеры не зафиксировали ее ни на одной из платформ, поэтому, скорее всего, это не так. И, разумеется, мы уже оповестили все железнодорожные вокзалы и автовокзалы, а также все сервисы заказа такси поблизости.

На этом детектив Патерсон попросил его извинить и ушел поговорить с детективом Галт. Недомолвки, переговоры – обычное дело в случае с полицией, подумал Харви. Вы рассказываете нам все, а взамен мы не говорим вам ничего.

Он ясно представил, как Лиз сидит на подлокотнике дивана, сложив руки на коленях, неодобрительно покачивая головой. Она всегда так делала, когда Харви терял самообладание.

Ее спокойный голос словно зазвучал у него за спиной: *Они просто пытаются найти Джесси. Тебе нужно им помочь.* Однако его жена почти никогда не имела дел с полицией; ее опыт общения с офицерами ограничивался штрафом за превышение скорости и выговором за справление нужды в переулке после ночного похода в бар. «Почему ты всегда так к ним враждебен?» – спрашивала она то и дело, пока Харви провожал хмурым взглядом очередного проходящего мимо легавого.

Наблюдая за детективом Галт и детективом Патерсоном, Харви будто снова оказывался в том ноябре 1960 года.

Детектив Патерсон вернулся в гостиную.

– Появились сведения, что женщину с ребенком, совпадающих по описанию с Джесси и Элизабет, заметил кто-то в центре Чичестера. Кроме того, возможно, ее видели на одной из платформ, когда она садилась на поезд до Лондона. – Он говорил с такой раздражающей медлительностью, словно у него садились батарейки, и Харви пришлось бороться с желанием дать ему пощечину, чтобы вернуть его к жизни. Действительно, куда же им спешить?

– Хорошо, вы уже отправили полицейских по этому следу? Я поеду в Чичестер, помогу с поисками, – сказал Харви, надевая ботинки.

– Полицейские ищут ее в Чичестере и досматривают поезда, идущие в Лондон. Мистер Робертс, я думаю, пока что вы нам больше поможете, если останетесь здесь и ответите на наши вопросы. – Харви вздохнул в ожидании, пока Патерсон продолжит. – На записях камер у больницы видно, что Джесси вышла в платье, но была ли у нее с собой какая-либо другая одежда, куртка или что-то в этом роде? Это помогло бы нам дополнить ее описание и не упустить ее при встрече. Также нам необходимо знать, что происходит сейчас в ее жизни – какие-либо проблемы с психикой, финансами, может, с ее партнером?

Слова детектива Патерсона звучали невнятно, будто бы пробивались откуда-то издалека. Харви смотрел на движение его губ, словно пытаясь расшифровать, что тот говорит, однако мысли его занимала лишь одна картина: Джесси, бредущая сквозь ледяную ноябрьскую вьюгу с его любимой внучкой на руках.

– Нам нужно связаться со всеми друзьями, родственниками и коллегами Джесси, до которых только получится дозвониться, желательно в ближайший час. Вдруг она вышла с кем-либо на связь или направляется к кому-либо из них...

– ...В больнице нам сказали, что ее парень, Адам, сейчас в Нигерии, видимо, он как-то с ними связался. Завтра в полдень по нашему времени он вылетит в Хитроу, значит, здесь он будет не раньше семи вечера. Полагаю, задерживать ради него пресс-конференцию нет смысла. Помимо того, нам нужно осмотреть квартиру Джесси, проверить дневники, тетради, электронные письма, чтобы выяснить, с кем она была наиболее близка.

– Больше всего – с Лиз, – тихо произнес Харви. – Она похоронена на кладбище Шорхэма. Джесси иногда ходит ее навещать.

Харви мысленно вернулся в день похорон Лиз. В полной тишине они приехали на машине домой и заварили чай, едва ли представляя себе силу того горя, которое уже почти настигло их, словно огромный грохочущий состав, несущийся по рельсам.

– Хорошо, мы поручим кому-нибудь съездить туда и проверить. – Детектив Патерсон посмотрел на свою коллегу, та кивнула и вышла из комнаты. – Я понимаю, как вам сейчас тяжело, но нам нужно получить как можно больше сведений о Джессике...

– ...Вы бы нам очень помогли, если бы отвезли детектива Галт в квартиру Джессики, поскольку мы с ней приехали в одной машине. Я поеду обратно в больницу и поговорю с командой, которая искала там. Мы понимаем, что ситуация не терпит отлагательств. Мне только что сообщили, что подготовка к пресс-конференции уже началась. Мы считаем, что вам очень важно лично обратиться к Джесси. Трансляция будет показана на всех новостных каналах.

Харви взглянул наверх. Два часа назад он выгуливал собак в бухте Уиттеринг, размышляя о рождении своей внучки. Теперь же и она, и Джесси пропали, а от него ждут выступления на национальном телевидении, и он должен будет умолять Джесси вернуться, сдерживая при этом переполняющие его боль и тревогу.

Харви подавил гнев из-за отсутствия Адама.

– Конечно, – сказал он. – Я готов сделать все, что нужно.

– У вас есть ключи от квартиры Джессики? – спросил детектив Патерсон. – Пожалуй, нам пора ехать.

– Сейчас достану. Но сперва я хотел бы знать кое-что, и я был бы очень вам признателен за честный ответ. – Харви замолк, собираясь с мыслями. – Если вы их и правда найдете, заберут ли у Джесси дочку после всего того, что она сделала?

– В интересах всех нас сделать так, чтобы Джесси и ее ребенок остались вместе.

– Но соцслужбы вовлечены в поиски?

– Органы опеки связались с больницей, и дело было передано в социальные службы.

– Каковы шансы того, что Элизабет заберут? – снова спросил Харви.

– Никто не хочет этого, мистер Робертс. Органы опеки призваны сохранять семьи вместе.

А теперь, если вы не возражаете, нам нужно поскорее добраться до квартиры Джессики.

С этими словами детектив Патерсон выпроводил Харви из дома в холодный ноябрьский полдень. Полицейские оставались по обе стороны от него, как будто он уже оказался на скамье подсудимых.

Глава седьмая

Гарриет

День подарков², 26 декабря 1945 года

– Мне очень жаль, Гарриет. На протяжении последних пяти лет вы были большим подспорьем в работе по дому, и нам очень жаль, что вы вынуждены покинуть нас. – Мисс Клара запиналась от волнения.

Гарриет стояла у дверного проема, ожидая, когда Джейкоб спустится по лестнице.

– Прошу вас, не беспокойтесь, мисс Клара, с нами все будет хорошо. С вашей стороны и со стороны мисс Этель было очень по-христиански разрешить Джейкобу пожить у вас.

Гарриет заметила, что голос выдает в ней беспокойство, и прокашлялась. Она едва сдерживала слезы из-за того, что была вынуждена покинуть этот дом, который стал ей почти родным.

– Мы старались проявить понимание, но мы просто не чувствуем себя в безопасности, когда в доме находится ваш муж. Мы с Этель уже не так молоды, и все это доставляет нам немало хлопот.

– Нет-нет, конечно. Не нужно ничего объяснять. Простите еще раз за вчерашнее. – Гарриет покраснела.

Между ними повисло неловкое молчание. События вчерашнего дня были по-прежнему свежи у них в памяти.

– Куда же вы отправитесь?

– Джейкоб слышал, что в поместье Норткот ищут нового зрителя, мы собираемся сегодня туда поехать и посмотреть, что нам удастся разузнать.

Гарриет взглянула на лестницу и увидела Джейкоба. Он выглядел так, словно старался привести себя в порядок – его волосы были зачесаны назад и смазаны маслом, лицо было только что выбрито, но все же он казался потрепанным: его одежда была не отглажена, а тяжелые мешки под глазами на его смертельно бледном лице свидетельствовали о кошмарах, преследовавших его всю ночь.

Мисс Клара тоже посмотрела на Джейкоба.

– Что ж, удачи, Гарриет. Я желаю вам обоим всего хорошего. Ваша зарплата и рекомендательное письмо на столе.

Она наклонилась, поцеловала Гарриет в щеку, неловко похлопала ее по плечу и поспешила удалиться, пока Джейкоб не спустился к ним.

Глаза Гарриет наполнились слезами, однако было в этом и какое-то облегчение: вот все и закончилось. Бездарные попытки скрыть поведение Джейкоба приводили к постоянному нервному напряжению и плохо сказывались на ее здоровье. Она вовсе не винила мисс Клару и мисс Этель за их страх.

Впервые Гарриет столкнулась с этим невыносимым напряжением, когда встретила мужа на железнодорожном вокзале Чичестера полгода назад. Наконец пробившись к нему сквозь толпу, она должна была сделать усилие, чтобы скрыть свой ужас.

Он так сильно похудел, что она едва его узнала. Его когда-то румяные щеки впали, стройная осанка сменилась сутулостью, уверенная походка исчезла без следа. Его правая рука была забинтована по локоть. Никто не сказал ей, что ему ампутировали два пальца после того, как у него из-за ожога развилась гангрена. Когда он обнимал и целовал ее, его объятия были сла-

---

² День подарков – выходной день в Великобритании и ряде других англоязычных стран. Приходится на следующий после католического Рождества день.

быми, а губы – холодными. Казалось, весь свет и сила покинули его, оставив лишь пустой мешок с костями.

Мисс Клара и Мисс Этель радушно приняли героя войны, любезно позволив ему остаться в маленькой одноместной комнате Гарриет в обмен на помощь в саду. Но вскоре теплая атмосфера в их маленьком загородном домике стала исчезать, и беспокойство пустило свои корни. Джейкоб пил до беспамятства, был вспыльчив и не мог справиться с малейшими отклонениями от плана или трудностями, возникавшими в течение дня.

Все это время единственной отдушиной для Гарриет оставался ее дневник, и она испивала его страницы в первые часы рассвета, когда Джейкоб окончательно впадал в пьяный ступор, сидя в кресле у окна.

19 декабря 1945 года

Дорогой дневник,

Я ужасно скучаю по своему мужу. Особенно одиноко мне по ночам, когда приходится засыпать одной, потому что Джейкоб отказывается ложиться из-за кошмаров. Вместо этого он пьет дешевый виски и разговаривает сам с собой. Если он и засыпает в кресле, то тут же просыпается, крича, словно раненый зверь. Я бросаюсь к нему, он весь в поту, у него отсутствующий взгляд, но это единственное мгновение, когда он делится со мной тем, что с ним произошло. Он рассказывает мне, что он снова там, на берегах Нормандии, и друга его детства, Майкла, только что разорвало на кусочки прямо у него на глазах. Он рыдает, и я укачиваю его, как ребенка, а он рассказывает мне такое, о чем я лучше бы никогда не знала. Что он поднял все, что осталось от его друга, и попытался собрать его по кусочкам. Что он никогда не простит себя за то, что он не смог спасти его. Прижавшись ко мне, он наконец засыпает на рассвете, но мы оба ужасно измотаны. За завтраком мисс Этель часто жалуется на ночной шум. Я пытаюсь успокоить Джейкоба, но он слишком силен, а его крики ничем не унять. Когда он просыпается по ночам, то в него словно вселяется дьявол, и я ничего не могу поделать, никак не могу его успокоить.

Мой когда-то добрый и веселый муж подозревает всех и каждого и говорит о немецких шпионах, которые до сих пор прячутся где-то в деревнях и ждут подходящего момента, чтобы вторгнуться в город. В последнее время мне очень не хватало общения, и я настояла на том, чтобы вместе выпить в местном пабе с надеждой на то, что встреча со старыми друзьями пойдет ему на помощь. Я осторожно спросила, чувствуют ли другие жены какие-либо перемены в своих мужьях, но мне дали понять, что задавать подобные вопросы – дурной тон; когда мужчины возвращались с фронта, вышестоящие офицеры настоятельно рекомендовали им не распространяться о прошлом, добавив, что было бы непатриотично рассказывать о том, что с ними произошло.

По мере того как продолжался вечер в пабе, я заметила, что Джейкоб очень угрюм. Другие смеялись и болтали, а он только сидел, мрачно глядя на меня. Девушки начинали чувствовать себя неловко. К тому времени когда мы собрались уходить, Джейкоб ни с кем из нас не разговаривал.

Когда Пит сделал мне комплимент по поводу моего нового пальто, я улыбнулась ему. В мгновение ока мой муж протащил Пита через весь стол, стаканы оказались на полу, и, чтобы оттащить Джейкоба, потребовались силы почти всех работников паба. Владелец пошел звонить в полицию, но Джейкоб с Питом давние знакомые, поэтому Пит просто отправился домой, зажав рукой свой окровавленный нос. Я отчаянно извинялась перед всеми, но это лишь

больше разозлило Джейкоба. Он сказал, что это я виновата, потому что всю ночь напивалась и флиртовала.

Когда мы вернулись домой, он начал расспрашивать меня, был ли у меня с Питом роман. Он сказал мне, что я люблю Пита, потому что мой собственный муж мне противен. Что я считаю его трусом, раз он позволил своим друзьям умереть. Что я больше не люблю его. Он так кричал, что я не могла его успокоить. Совершенно неожиданно он ударил меня кулаком. Мой рот наполнился кровью, я закричала. Мне было так страшно, что я зарылась под одеяло, чтобы защититься от новых ударов, я совсем не знала, что делать. Он никогда раньше и пальцем меня не трогал. Мисс Этель услышала переполох. Я сказала ей, что мне очень жаль и что все уже в порядке, но, увидев мое лицо, она пришла в ужас, и тогда я поняла, что их доброй воле пришел конец.

Во время долгой автобусной поездки Гарриет и Джейкоб сидели молча, вспоминая недавнее Рождество. Глядя в окно, Гарриет будто снова видела, как Джейкоб пошел в сад нарубить еще дров, а она, начинив индейку, поставила ее в плиту и стала зажигать огонь. В тот день их судьба была предрешена.

Услышав крик Джейкоба на кухне, Гарриет мигом бросила все свои дела и ринулась к нему. Он стоял на коленях перед плитой и держал мясо голыми руками. Жир шипел на его коже, а он кричал ей, что его друг горит.

Успокоить Джейкоба было совершенно невозможно. Он бросил индейку в раковину и включил воду, пытаясь остудить ее, но сам продолжал кричать и звать на помощь.

Выбиваясь из сил, Гарриет наконец смогла оттащить его прочь. Когда она уложила его в кровать, он сквозь слезы рассказал ей, что скворчащая кожа индейки вызвала в его памяти воспоминание о том, как на берегах Нормандии прямо у него на глазах горела кожа на теле его друга. Кое-как Гарриет удалось спасти рождественский ужин, но затем на кухне появилась мисс Этель и объявила, что им придется покинуть этот дом. В то утро они с Джейкобом не говорили об этом. Ей было невыносимо даже вернуться в мыслях к событиям того утра. От вида обожженных, покрытых волдырями рук Джейкоба слезы выступали на ее глазах.

Автобус с грохотом остановился у поместья Норткот, вернув Гарриет в настоящее.

– Ну же, пойдем, – сказал Джейкоб, бросив ей под ноги ее чемодан, но та лишь изумленно смотрела на огромные железные ворота и длинную покрытую наледью подъездную дорожку, ведущую к особняку в георгианском стиле.

Джейкоб ушел вперед, махая рукой жене и подгоняя ее, но Гарриет будто приросла к земле, несмотря на порывы свирепого декабрьского ветра. Она знала, что ей не хватит сил работать служанкой в доме, где, по слухам, было тридцать спален, четыре гостиных, две библиотеки и огромный банкетный зал.

Но она заставила себя идти вперед, к поместью, в двери которого им вот-вот предстояло постучать, прося взять их на работу, – но тем временем двери в жизнь, какой она была до возвращения Джейкоба домой, с треском захлопнулись за ней.

Глава восьмая

Айрис

11.30, среда, 19 ноября 2014 года

Айрис бежала, опаздывая на поезд в Чичестер, и, лишь только она скользнула в закрывающиеся двери вагона, ее телефон зазвонил.

На экране высветилось «Отдел новостей». Она взяла трубку.

– Привет, Майлз.

– Привет, Айрис. По всей видимости, ребенку необходимо лекарство, или по какой-то другой причине им нужно вернуться в больницу, – ответил он торопливо, проглатывая слова. – Кажется, к концу дня у нас будет довольно громкая история. По всей видимости, в полиции думают, что она прыгнет с моста или бросится с малышом под поезд. Скажи еще раз, откуда ты об этом узнала?

Айрис попыталась выбросить из головы картину, которую только что нарисовал ей Майлз, и стала судорожно искать нужные слова. Она не ожидала, что реакция на историю Джесси и ее малышки будет такой бурной. Рано или поздно Айрис должна была во всем признаться, но ей не хотелось, чтобы Майлз снял ее с этого расследования и поставил кого-то другого. Ситуация была слишком важной.

– У меня есть старый друг – контакт в больнице Святого Дунстана, он мне и подкинул эту историю, – солгала она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.